

Мезень

край поморский

На Мезени —
Снегу по колени,
На Мезени —
Белые заметы
На Мезени
Нынче невезенье —
Замерли на старте
Самолеты
Не летят
Крылатые машины
Им борта
Соленый ветер лижет
Врезались в сугроб
Тугие шины,
С беговой дорожкой

Смерзлись лыжи.
На Мезени —
Снегу по колени,
Сильный ветер
Леденит до дрожи
А давай уедем
На оленях,
Ведь они не знают
Бездорожья
И пускай не очень
Быстрокрыла
Та оленья тройка
Беговая,
Все-таки у них
В горячих жилах
Не бензин,
А кровь течет живая.

Николай Журавлев

*Северо-западное
Книжное
Издательство
Архангельск
1980*

ДМИТРИЙ УШАКОВ

Под сполохи полярного сиянья,
Лаптями стежку протоптав в снегу,
Однажды к морю вышли россияне
И замерли, толпясь на берегу.
Они дивились шири необъятной,
Могучим глыбам голубого льда
И порешили не ходить обратно,
У моря поселиться навсегда.
Давались трудно первые замахы
В удушливом чаду скупых костров.
Смерзались полотняные рубахи,
И трескались полотна топоров.
Медвежий след крутился возле сруба,
Плыл волчий вой к жилью издалека.
И вьюга дверь выламывала грубо
И выше окон дыбила снега.
Так обживались — горестно, но прочно,
Порой тянули из последних сил,
Чтоб стал навечно край полярной ночи
Частицею Руси.

Михаил БЕЛОВ

ГОРОД ПОЛЯРНЫХ МОРЕХОДОВ

«Преданья старины глубокой»

ПРОШЛОЕ Мезени теряется в глубокой древности, а отсутствие письменных и археологических источников не дает возможности точно определить, когда же в устье этой реки возникло постоянное поселение. И все-таки, исходя из имеющихся материалов, можно назвать более или менее приблизительную дату его основания.

Советскими учеными проанализированы древние картографические источники Руси¹, к сожалению, дошедшие до нас в переработке иностранных авторов. Речь идет о трех географических картах Московии, как называли Русь в Западной Европе столетия назад.

Первая и самая ранняя карта принадлежала перу австрийского посла Сигизмунда Герберштейна, приезжавшего в Москву с дипломатической миссией дважды: в 1516—1518 и 1526—1527 гг. В первый свой приезд, особо интересуясь картами-чертежами Руси, посол достал при дворе великого князя Московского Василия III «Русский дорожник» — путеводитель по дорогам тогдашней Руси и перевел его на модный в то время латинский язык. «Дорожник» содержал описание пу-

¹ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии. М, Наука, 1974

тей на Печору, Югру и к реке Оби. Герберштейн бережно отнесся к русскому документу, «сохраняя те названия местностей, которыми они именуются у русских». В «Дорожнике» и на картах (барон издал несколько вариантов своей карты Московии) впервые на реке Мезени указано единственное поселение под русским названием Слобода.

В 1562 г. в Лондоне вышла другая карта России. Она принадлежала английскому торговому агенту Антонию Дженкинсону. На этом чертеже показана не только Слобода, но и другое мезенское селение, расположенное немного севернее и ближе к Мезенскому заливу и названное Лампас. Впервые на карте в общем виде представлены два мезенских селения. По принятой тогда в картографии манере составители карт изображали населенные пункты в виде церквей. Лампоженская слободка, которую англичанин ошибочно посчитал самой северной слободкой на реке Мезени, показана в форме трех колонок — церквей. На месте же селения Слобода изображено два храма. Это отражало истинное положение вещей: действительно, в конце XVI—начале XVII в. в Лампожне было три церкви, а в самом северном поселении на Мезени — Слободе — два храма.

Третья иностранная карта была вычерчена в 1613 г. Гесселем Герритсом по чертежу царевича Федора Годунова (за исключением Севера Руси). На ней автор оставил одну слободу на Мезени, причем поместил в близком соседстве с полуостровом Канин Нос. Кстати, уже во второй раз на иностранной карте к северу от устья реки Мезени в южной части Мезенского залива изображался волок. Он соединял Мезенский залив Белого моря с Чешской губой Печорского, или Мурманского, моря, как оно названо на карте 1613 г.

Таким образом, иностранные карты Руси, начиная с 1516—1518 гг., когда Герберштейн приобрел у цар-

ского двора «Русский дорожник», отмечали какое-то селение в устье Мезени и близко расположенный от него волок, соединяющий Белое и Печорское моря.

Письменные источники и дошедшие до нас в передаче иностранных авторов русские чертежи подтверждают, что в XVI в. начались морские походы русских поморов к востоку от Белого моря, в полулегендарную страну Югорию (так называлась тогда территория, лежащая в северной части Урала и за пределами Уральско-го хребта) и расположенную еще восточнее Мангазейскую землю. Значит, мезенская Слобода, своего рода географический центр на скрещении волоковых и морских дорог, могла играть важную роль по связи Руси с Сибирью. Именно это оценил царь Борис Годунов, когда в 1600 г. решил выдать жалованную грамоту пинежанам и мезенцам о свободном проходе в Мангазею и наделил Слободу правами таможенного центра на территории Северо-Восточной Руси.

Автор этих строк обнаружил в архиве Антониево-Сийского монастыря документ об одном из первых югорских походов. Это обычный деловой документ, которых было в то время немало в крестьянском обиходе. Акт от 1517 г. рассказал о том, что между монастырскими крестьянами Терентием и Григорием Цивилевыми и Федором и Назаром Тсрентьевыми заключен акт: они отправляются в югорский поход и оговаривают условия подготовки к нему. В частности, крестьяне договорились, что подготовка к походу будет завершена до вскрытия рек, в апреле договорного года¹. Небезынтересно отметить, что поход состоялся в то время, когда Сигизмунт, Герберштейн прибыл в Москву и уже располагал «Русским дорожником». И еще. Сам дорожник не мог появиться в один миг, так же как и по-

¹ Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956, с. 110.

ход Цивилевых и Терентьевых в Югру не был первым, а скорее всего продолжал практику подобных походов в Зауралье. Следовательно, без особой натяжки можно сказать, что начало поморских походов в Югорию относится к началу XVI, а возможно, и к концу XV в.

Югорские походы осуществлялись по волоковому морскому направлению. Они не могли миновать реку Мезень и ее устья, где уже к тому времени, вероятно всего, возникло торговое поселение. Под контролем его оказался весьма важный участок этого пути, на который и обратили внимание иностранные путешественники и моряки, отмечая его на картах, изображающих Север Руси.

Но существует и другая версия о происхождении постоянного поселения в устье реки Мезени. Впервые она была высказана в Историческом и топографическом описании Мезенского уезда и города Мезени, составленном в 1797 г. Автор этого описания — уездный землемер Федор Киселев, довольно сведущий человек. Ему мы обязаны тем, что он довольно точно передал некоторые важные сведения о возникновении города и поведал бытовавшие в Мезени древние легенды. Одно из преданий рассказывает о создателе первой слободы в устье реки. Мезенцы считали, что это был новгородский купец Окладников. Поэтому-то и первая слобода на Мезени носит его имя. Более того, самое крупное озеро вблизи поселения названо Окладниковым. Нельзя не обратить внимание и на то, что в Мезенском поселении фамилия Окладниковы была наиболее распространена. Вспомним также, что в древности Мезень входила в состав Усть-вашской волости новгородской Двинской земли, что в XVII в. усть-вашская ярмарка собиралась в устье Мезени. Этот факт также можно отнести к укоренившемуся пережитку новгородских времен.

Высказанные соображения, однако, не помогают

точно ответить на вопрос о времени появления в устье Мезени постоянного русского поселения, хотя и намечают его исторические границы. Бесспорно лишь, что возникло оно в XVI в., когда начались плавания вдоль побережий Белого, Печорского и Карского морей. Это соответствует эпохе великих русских географических открытий, связанных с организацией единого всероссийского рынка.

Слобода

В течение столетия привлекало к себе внимание иностранных путешественников и картографов возникшее на рубеже XV—XVI вв. в устье реки Мезени небольшое русское поселение, названное Слобода¹.

Одним из первых понял ее значение английский путешественник и торговый агент английской Московской компании Джосиас Логан. В 1611 г. он отправился в плавание от устья реки Темзы на судне «Дружба», намереваясь побывать как можно восточнее своих соотечественников, ежегодно приходивших на кораблях в устье Северной Двины. Логан много слышал о Печоре и стремился навестить туда, а также хотел узнать о точных путях прохода в Сибирь. Обогнув Норвегию, «Дружба» прибыла в Белое море, а 11 июля пришла в устье реки Печоры. Вместе со своими соотечественниками на корабельной шлюпке Логан прибыл в Пустозерск, построенный войсками Ивана III в 1499 г.

С дороги Логан посылал в Англию частые письма, благодаря которым стали известны подробности его путешествия. Он был сведущ в торговых делах, специально изучал состояние русской торговли и пушных рынков Сибири. Его биографы полагают, что Логан знал

¹ В старорусском слове «слобода» означала поселение свободных людей, в более конкретном случае — черносошных (государственных) крестьян.

русский язык и мог собирать сведения самостоятельно. Особое пристрастие он питал к географии Поморья и, будучи на острове Колгуеве, назвал одну из малоизвестных речек именем английского историографа географических путешествий Хаклейта. В наследство потомкам он оставил обширный дневник, изданный Пиршесом¹.

Среди важных торговых пунктов Логан назвал и Слободу на реке Мезени, где он приобрел множество ценных товаров. По данным англичанина, здесь в конце лета — начале осени собиралась ярмарка. Такая же ярмарка, только в начале года, проходила на Усть-Вашке.

Слободу на Мезени Логан назвал самым крупным центром торговли русских с Сибирью. Он отметил, что ш устья реки Мезени и Мезенского залива отправляются суда в Ледовитое море, что на Мезени расположены гавань и зимний отстой судов. По данным начала XVIII в., такая гавань и отстой судов находились в Окладниковой слободе, точнее, они помещались в островом, при впадении в протоку речки Кузнецовой, которая как бы отделяла одну слободу от другой.

Иностранцам особенно бросалось в глаза стремление русских соорудить надежные отстой-порты на морском побережье, некоторые из них обносились крепостными стенами. Объяснение этому простое — прибрежные районы нуждались в обороне. Иностранцы же при достижении вновь открытых земель прежде всего принимались за строительство гаваней, а за ними — городов. Так было на побережьях Карибского моря, в Африке и Индии. И на Русском Севере они также рассчитывали на постройку баз, с помощью которых могли бы контролировать морскую торговлю. Известен, на-

¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей Иркутск, 1941, с. 214—215.

пример, проект постройки англичанами крепости на острове Вайгач с целью захвата торговых караванов, отправляющихся в Китай и Индию. Нельзя забывать и о том, что все эти события происходили в эпоху великих географических открытий, когда каждый отправлявшийся за океан европеец мечтал о наживе за счет чужих земель. Это время К. Маркс и Ф. Энгельс отнесли к периоду первоначального накопления капитала¹. На Руси XVII век ознаменовался созданием всероссийского рынка, в горниле которого выковывались первые, пока еще слабые, буржуазные связи². Таким образом, Слобода на Мезени, возникшая в XVI в. на самом северном краю Русской земли, уже тогда участвовала в создании и укреплении связей всероссийского рынка.

Какой рисуют мезенскую Слободу русские источники?

Первые русские сведения об Окладниковой слободе восходят к царской жалованной грамоте, выданной царем Борисом Годуновым в январе 1600 г. Грамота явилась ответом на челобитную пинежан и мезенцев, которую доставили в Москву Угрюм Иванов и Федул Наумов. Они просили царя позволить вести вольный торг и промыслы в далеких сибирских краях. В царской грамоте читаем: «Божьей милостью мы, великий государь и великий князь Борис Федорович всея Руси... есмь Двинского уезду пинежан и мезенцев... и всех промышленных людей пожаловали в Мунгазею морем и Обью рекою, на Таз и на Пур и на Енисей им ходити и с самоедами, которые живут на тех реках, на Тазу и на Пуре и на Енисее, им торговати велели поволью; а нашу десятую пошлину, от десяти десятая, из соболей

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 408,

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154,

лутчей соболю... и изо всякого товару десятая, тем торговым людям приезжанам и мезенцам... велели есмя давати на Мезени, в Окладниковой слободке, приказным людям и старостам и целовальникам, а опричь Окладниковой слободки, что на Мезени, нигде десятого не давати есмя им не велели»¹.

В этом документе описания Окладниковой слободки не содержалось.

Поиски его, предпринятые автором этих строк, оказались не напрасными. Описание Окладниковой и Кузнецовой слобод имеет в писцовой книге за 1622—1623 гг. по Кеврольскому стану, а саму перепись производили князь Борис Мезецкий и подьячий Рахманин Воронов². В состав писцовой книги включены деревни, дворы и погосты всей волости Мезени. Эта перепись — первое документальное свидетельство о далеких предшественниках жителей Мезени, ее можно рассматривать как демографическую и социальную основу, на которой разворачивались все дальнейшие события. Писцовая книга передает данные о возрастном и социальном составе первопоселенцев, содержит материалы для характеристики крестьянского хозяйства, земельных уделов, рода занятий.

Но, прежде чем обратиться к характеристике переписи Окладниковой и Кузнецовой слобод, необходимо составить представление о состоянии хозяйства всей Мезенской волости. В 1622—1623 гг. волость насчитывала 881 крестьянский двор, в которых проживало 1164 человека. Учитывая то, что в 20—30-е годы XVII в. в Русском Поморье повсеместно наблюдалось оскудение дворов и деревень, о чем свидетельствовал рост

¹ Акты исторические, т. 2, Спб, 1841, янв. 1600 г.

² Центральный государственный архив древних актов, ф. 1209, ед. хр. 185, стлб. 429—435.

бобыльских дворов¹, писцовая книга Кеврольского стана Мезенской волости по этому поводу дает следующие данные. В Мезенской волости отмечено 19 пустовавших дворов, потому что «пашни пахотные — худые земли». Некоторые хозяйства разорились, а их земельные владения поросли лесом и перелогом. В то же время в волости отмечено успешное сенокосение — было заготовлено 12012 копен сена. Богатые сенокосные угодья позволяли населению развивать скотоводство и коневодство, чем всегда славилась Мезень. На все Поморье были известны ее выносливые низкорослые лошади.

Успешно развивалось пушное хозяйство: было добыто 4550 белок, оцененных в 68 рублей 8 алтын 2 деньги («по 3 деньги за белку», — добавил переписчик). Указаны доходы от промысла на горностаю — 251 шкурка оценена в 8 рублей 26 алтын.

Среди других приведенных по волости сведений обратили на себя внимание многочисленные налоги. С крестьян брали пошлину за все и со всего. Например, за селитренное (ямчужное) дело, хотя на Мезени и вообще в Поморье селитру не добывали, а пошлину, оказывается, брали по обычаю, установленному еще Иваном Грозным, когда Русь вела войны с Ливонией и, естественно, нуждалась в селитре, которая шла на производство черного пороха. Селитренное дело привилось в южных районах страны.

Таково же происхождение пищальной пошлины: на Мезени пищали не производили. Пользовались ими стрельцы, а крестьянам вообще запрещалось иметь огнестрельное оружие. Упомянутая грамота Бориса Годунова о поездках в Мангазею особо отмечала, что

¹ Бобыли — группа безземельных людей, которые с 1679 г. стали нести тягло наравне с крестьянами.

мезенским и другим промышленникам запрещалось брать с собой «заповедные» товары — «пищали, зелье пищальное, саадаки, сабли, луки и стрелы, железцы стрелыше и доспехи, копыя и рогатины».

Среди пошлин названа еще одна статья — почтовая гоньба на лошадях и оленях, игравшая важную роль на Крайнем Северо-Востоке Руси. Поддерживая связь на огромных пространствах, казна взяла пошлину за почту 33 рубля 26 алтын.

Данные о промысловой деятельности мезенцев выражены оброками на рыбные и звериные угодья, принадлежавшие жителям Окладниковой и Кузнецовой слободок. Всего с оброчных промыслов казна взяла 31 рубль 31 алтын 30 денег — по тем временам это большая сумма. Значительная пошлина с оброчных угодий говорит, с одной стороны, об объеме товарного производства, а с другой — о территориальном росте промыслов. Мезенцы давно жили добычей зверя и рыбы на реках, озерах и морских островах. В писцовой книге довольно часто встречаются записи о расширении рыбных и зверобойных угодий. Вот одна из записей. «Рыбные ловли и горние звериные промыслы пониже Окладниковой и Кузнецовой слобод — верхняя межа Березовского глубокого яра до Петеленых крестов вверх до моря, до Луханского креста, а в морской конец — до Курокоткина ручья и до Первого островка и Малой Пертей: на оброке Окладниковой и Кузнецовой слободки и за всеми крестьяны, что были за Дорошкой Ружниковым с товарищи, до вновь речки Мгла до речки Несь и промеж теми речками по краю моря берег, Алехотское озерко на рыбной ловле... И по тому берегу горний промысел и с озерки до тех речек оброку старого 28 алтын 4 деньги...»

Теперь несколько слов об Окладниковой и Кузнецовой слободках. По писцовой книге 1622—1623 гг. за слободками числилось 110 дворов (68 + 42).

В дворах двух слобод проживало 134 (88 + 46) крестьянина мужского пола и 7 вдов. Все они владели 76 (44 + 32) четями (четы равнялась полудесятине) земли в поле. Это свидетельствовало о малоземелье. Поэтому жители слобод всячески пытались расширить пахотный клин — приобретали земли на островах, примыкавших к реке Мезени, и на волоках, которые вели к рекам Пинеге и Кулою. Результаты этих усилий оказывались незначительными: жителям Окладниковой слободы удалось расширить земли в размере 3 вытей (выть — 19 десятин), а их соседи не смогли организовать пашни на островах и волоках.

Таковыми нарисовали документы начала XVII в. Окладникову и Кузнецову слободы. Очевидно, что состояние слободского хозяйства не могло считаться отличным, скорее наоборот. Поэтому вполне естественным было стремление слобожан вырваться за пределы старого, не манящего никакими надеждами мира и направиться в районы, расположенные восточнее реки Мезени — на Урале и за Уралом. Вот почему мезенцы оказались пионерами освоения Мангазеи, что стало одной из славных страниц их истории.

Мангазея

Первое путешествие поморов в Мангазею, согласно пинежской летописи, найденной в 1969 г. В. И. Малышевым у старожилов Мезени, было совершено в 1597 г. В летописи названы имена тех, кто организовал дерзкое вторжение в Сибирь через Урал. Это были Юрий Долгушин — устьцилемец, Смирной — пинежанин-лавелец и пленный поляк, имя которого осталось неизвестным. Поход совершался по рекам и волокам. Путешественники останавливались за Уралом на реке Надым, и, следовательно, их путь лежал по древнему су-

хопутно-речному южному пути в Мангазею через Пур и Таз.

Массовое продвижение поморов в Мангазею датируется концом XVI и началом XVII в. Именно к этому времени относится проложение не только сухопутного, но и морского пути в Мангазею, где мезенцы по своему приморскому положению сразу же стали играть ведущую роль.

Известен и описан ставший знаменитым морской поход мезенцев, пинежан и пустозерцев в Мангазею в 1601—1602 гг. Они отправились на кочах из Холмо-гор. Далее маршрут пролегал по Белому морю и Мезенскому заливу, волоками по рекам Чиже и Чеше до Пустозерска, где путешественники зазимовали. В следующую навигацию, миновав Югорский Шар, они прибыли к полуострову Ямал. Здесь двигались по рекам Мутной и Зеленой и четырем озерам, вытянувшимся навстречу друг другу, затем по Обской и Тазовской губам в Мангазею¹.

Мангазейский морской ход стал самым популярным для прохода на реки Таз и Енисей. Поморы шли вдоль морского берега на «малых кочах», перетаскивая товары по волокам, используя катки.

В августе 1971 г. рекогносцировочная историко-географическая экспедиция, которую возглавлял автор этих строк, побывала на Ямальском мангазейском волоке. Он расположен на полуторакилометровой песчаной возвышенности, отделенной с севера и юга двумя озерами — Мутным (Ямбу-то) и Зеленым (Ней-то). Было установлено, что на этой песчаной платформе высотой не более 8 метров располагался главный волок длиной 505 метров, в центре которого — небольшое карстовое озерко с символическим названием Луци-Хамо-то, что означает «Озерко погибших русских».

¹ Белов М. И. Мангазея. Л., Гидрометеиздат, 1969.

На других волоках экспедиция обнаружила сильно разрушенные части деревянных судов, которые можно отнести к мангазейскому времени. На этих волоках были найдены шпангоуты и обшивка небольших судов типа паузков.

На центральном перешейке — волоке, вблизи озера Луци-хамо-то, зафиксированы скопления черного, цвета смолы вещества. Анализ показал, что это куски вара. Вар широко применялся на строительстве древних деревянных судов, в особенности при изготовлении варовых веревок, идущих на такелажные работы. Из этих веревок (на каждый коч уходило их по 5 тысяч сажений) делались окантовка парусов, оснастка и другие судовые детали. Наличие вара на главном Мангазейском волоке подтвердило, что здесь происходила починка износившихся частей судов и замена их новыми. А это означает, что суда появлялись здесь не позднее 1619 г., когда Мангазейский морской ход через Ямальский волок был запрещен указом царя Михаила Федоровича. После этого времени поморские деревянные корабли по Ямальскому волоку не передвигались.

Мы знаем имена некоторых мореходов, бороздивших во время путешествия в Мангазею воды юго-западной части Карского моря, Обской и Тазовской губ. Многие из них неоднократно ходили этим древним путем и завоевали славу отважных мореплавателей. Известными на Руси мореходами были мезенец Иван Угрюмов и пинежанин Федул Наумов, получившие хвалу от царя Бориса Годунова «за частые поезди в Мангазею». Ранние походы на реки Обь и Таз совершали мезенцы Табанька Кульмин и Матвей Кириллов. В 1612г. обратный поход из Мангазеи по Ямальскому волоку в Архангельск совершили мезенцы Шестак и Артемий Ивановы¹.

¹ Русская историческая библиотека. Т. 2, Спб., 1875, с. 1064.

После запрещения пользоваться Мангазейским морским путем в его северном варианте поморы прибегнули к его южному варианту: из Тобольска по Оби на Березов, Обдорск и дальше по Обской и Газовской губам в Мангазею. Этот путь просуществовал до 1672 г., когда Мангазея была оставлена стрелецким гарнизоном, и поселение перевели на Енисей, в устье реки Турухан, где был срублен город Новая Мангазея.

Мезенцы, «знатцы» морских дорог, приняли самое активное участие в плаваниях по южному Мангазейскому морскому пути, а в начале 30-х годов согласились провести суда мангазейского воеводы Григория Кокорева из Обской губы в море-океан через «морскую пучину». Застрельщиками воеводских замыслов совершить поход из Мангазеи «в немцы», т. е. в Западную Европу, были Табанька Кульмин и Матвей Кириллов.

В 1626 г. караван из 5 кочей совершил переход из Березова в Мангазею. В нем участвовало 136 мореходов. По крайней мере двое из них — мезенцы из Кузнецовой слободы. Это Молчан Ружников и Андрей Иванов, упомянутые в писцовой книге 1622—1623 гг. Мангазейская таможня зафиксировала в документах такую картину: в 1633 г. в город прибыл караван, состоящий из 387 торговых и промышленных людей, среди которых — 24 мезенца и 54 пинежанина. В 1635 г. таможня взяла значительную пошлину с 285 прибывших из Тобольска и Березова торговых и промышленных людей, среди них — 18 мезенцев и 24 пинежанина. Причем многие торговые и промышленные люди уже заплатили пошлину еще в Тобольске, Березове и Обдорске и, следовательно, в Мангазее были освобождены от нее и в общее число прибывших не вошли. Мангазейская таможня «по мангазейской оценке» взяла пошлину только с тех, кто перешел на реку Обь по север-

ным отрогам Уральского хребта, а это были поморы — мезенцы и пинежане.

По морскому ходу на мангазейский рынок были в изобилии доставлены кожевенные товары поморского производства — юфть, дубленые кожи, сыромятные кожи, овчины, кисы олени, кисы лосиные, ремни, коты, переда котовые, сапоги котовые, подошвы дубленые, камусы лосиные и другие — общим числом 10840 штук.

В городе появилась обычная для Поморья и широко известная на Руси одежда: киндяки, вороты, платки, рукавицы, зипуны, сарафаны, кафтаны, шубы, штаны холщовые, штаны суконные, рубахи суконные, стельки волосяные, чулки, вареги, воротники, чепцы и др. Из продуктов завозили соль, сало, мясо, масло, перец, пряники, мед, винные ягоды, рыбий жир, чеснок. Часть товаров составляло промысловое снаряжение и судовой инструмент: матки-компасы, лыжи подволоками, прядено неводное, сети, уды, пешни, переметы, мережи, обметы соболя, обметы заячьи, огниво, зелье мазное, уклад, скобы судовые, шилья, кремни, смола. Пользовались спросом и предметы обихода: свечи восковые, колокольца, святцы, косы железные, напарьи, пробой, сверла, скобы железные, олифа, гвозди, подсвечники медные, медная проволока, топоры и другие изделия. Как видим, Поморье и его рынки богато снабжали «царскую златокипящую вотчину» Мангазею.

Многие из названных предметов были обнаружены во время раскопок городища Мангазеи. Их можно увидеть в музеях нашей страны, и в частности, в Государственном историческом музее в Москве, куда передана на хранение коллекция мангазейской экспедиции, работавшей в 1968—1973 гг. под руководством автора этих строк.

Собранные с большим трудом на ярмарках Поморья, в том числе на мезенской и усть-вашской, това-

ры с лихвой окупались в Мангазейской земле. По подсчетам автора, основанным на анализе таможенных сборов, ежегодно через пушной сибирский «Клондайк» — Мангазею — проходило от 400 до 500 тысяч соболиных шкур. Это была настоящая река «мягкого» золота.

В 40—50-х годах XVII в. промыслы резко уменьшились. Повсюду стала ощущаться нехватка жестоко истреблявшегося соболя. Это не остановило предприимчивости поморов. Уже в конце 20-х годов XVII в. они небольшими группами стали просачиваться из Енисея по его восточным притокам — Нижней, Средней и Верхней Тунгуске на реку Лену. Так была открыта Новая Мангазея, еще более обильная пушным зверем, и началось освоение великой и славной реки Лены.

Великая река Лена

На Ленской земле закипела жизнь. Почти одновременно с освоением ленского бассейна начались походы на северо-восточные реки — Яну, Индигирку и Колыму. Документы архивов Якутского города показывают, что и в новых морских походах ярко выделялись мезенцы. В отличие от крестьян центральных районов Руси поморы продвигались на восток в северном направлении. Сохранились сотни проезжих грамот, выданных для поездки с Лены на Яну, Индигирку и Колыму и другие «сторонние заморские реки». Везде на Ленской земле можно было встретить мезенцев и пинежан.

Документы называют организатора торговых и промысловых походов жителя Кузнецовой слободы Кирилла Ружникова, Кирилла Юрьева Коткина, сына Юрия Иванова Коткина, что первым отмечен в писцовой книге 1622—1623 гг. Если Кирилл Ружников оставил о се-

бе славу крупного торговца, то его земляки из Окладниковой слободы Кирилл и Матвей Коткины прославили себя выдающимися походами между устьями рек Лены и Колымы. Они держали на Колыме звериные промыслы. Первым совершил плавание Матвей. Кстати, покрученником у него был пинежанин Тарас Васильевич Стадухин, родной брат знаменитого Михаила Стадухина, отважного соперника Семена Дежнева. За ним на двух кочах совершил плавание Кирилл Юрьев Коткин. Якутский воевода Василий Пушкин назначил Кирилла главным таможенным чиновником на Колыме — целовальником Нижнего, Среднего и Верхнего колымских зимовий. Сохранилась наказная память воеводы, выданная Коткину 5 июля 1647 года¹. Начальником колымских зимовий был назначен сын боярский Василий Власьев. Поход на Колыму продолжался два года. В отписке воеводе Василий и Кирилл сообщали: «В прошлом во 155 (1647) году июля в 6 день посланы мы, Васька и Кирилка, из Якутского острогу... на государеву службу на Колыму реку. И по Лене реке плыли мы шесть недель и вышли на море и добежали до Чуркина розбою (район Святого Носа. — М. Б.) и на море занесли ветры противные и до Колымы реки не дошли, потому что путь поздней и на море лед появился. И от Чуркина розбою поворотили назад на Яну реку сентября в 13 день... и на Яне зимовали. И в нынешнем во 156 (1648) году, марта 23 день, с Яны... идем на нартах на Индигирскую реку и с Индигирки реки на Алазею реку с служилыми людьми девятью человеки...»² Путешествие успешно завершилось в 1649 г.

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII в. Сост. М. И. Белов Л.—М., 1952, с. 74.

² Там же, с. 74—75.

Во время службы на Колыме Коткин и Власьев проявили похвальную инициативу — направили на восток и юг от Колымы отряды служилых и промышленных людей в целях разведки новых путей и «новых земель». Так, они организовали поход из Нижнеколымска на реку Анадырь, где обнаружили лежбище моржей. Впоследствии новый промысел дал царской казне десятки тысяч пудов моржового зуба, высоко оцененного Сибирским приказом.

Богатую соболиную казну собрал и сам целовальник Коткин. Высылая ее якутскому воеводе Василию Пушкину, Коткин перечислил ее и указал, куда он положил каждую из связок соболей. «Сума белая медвежья, — писал он в Якутск, — шита мешком, а в ней положено 25 сороков с хвосты (1000) соболей; другая сума медвежья, черная, ворот большой, а в ней вложено 10 сороков 22 соболя с хвосты (422). В той же суме лисица черно-бурая купленная. Третья сума оленья, а в ней вложено 33 сорока 22 (1342) пупки соболя, восемь хвостов соболей. Целовальник Кирилл Коткин». Таким образом, за два года казна получила 1422 соболя, 1342 соболиные пластины и 8 хвостов. По цене колымских соболей того времени — 5 рублей шкурка, — вся колымская казна целовальника Коткина выражалась солидной суммой — более 6110 рублей. Это был ценный вклад в обороты всероссийского рынка.

Одно из мероприятий, проведенных Коткиным и Власьевым, привело к важному географическому открытию на Северо-Востоке. В 1650—1651 гг. в направлении реки Чендон и реки Пенжины был направлен казак Аврам Баранов. «А поднимался я, — писал Баранов, — с промышленными охочими людьми с 35 че-

ловеки. А как я... подымался на Камень (горный хребет. — М. Б.) и на Каменю нашел ходынских каменных оленьих мужиков и их начал наговаривать и призывать под твою государеву высокую руку». Аврам Баранов завершил свой поход на Пенжинском заливе Охотского моря.

Подводя итог деятельности замечательного мезенца Кирилла Коткина, оказавшегося вдали от родных мест, на окраине государства, можно сказать, что она ознаменовалась открытием и обследованием гигантских внутренних районов Северо-Восточной Азии, равных трем средним европейским государствам. Деятельность Кирилла Коткина умножила славу мезенцев-первопроходцев.

Пролив

Настоящим географическим подвигом стал осуществленный мезенцами и пинежанами морской поход в пролив между двумя континентами — Азией и Америкой.

Начало ему положили мезенцы своим плаванием с Колымы на восток летом 1646 г. Девять промышленных людей, во главе которых стоял Исай Игнатьев Мезенец из Окладниковой слободы и Семен Алексеев Пустозерец, отправились «на море гуляти в коче вперед». Их попытки открыть проход вокруг Большого Каменного Носа на Новую Землю закончились неудачей.

После этого плавания на Колыме был организован еще один поход. Его возглавил казак Семен Дежнев — служилый человек Нижнеколымского зимовья.

Поиски родины Дежнева привели меня на Волоч Пинежский, где с XVI в. проживала вся его родня. Родоначальником семьи Дежневых был крестьянин

Дежня¹. Пинежский Волок — это самостоятельная волость Кеврольского стана, занимавшая промежуточное положение между Пинежской и Мезенской волостями. Волок расположен в близком соседстве с Мезенью. Поэтому не случайно то, что во время своих походов Дежнев выбирал в товарищи земляков — пинежан и мезенцев. Именно в третьем походе, который состоялся в 1648 г., участвовали мезенцы: Фома Семенов, Иван Романов, Иван Савин, Василий Фомин, Яков Игнатьев

и другие. До сих пор современников удивляет, как могло быть совершенно выдающееся плавание в суровом, закованном льдами море, на маленьком судне (коч поднимал до 40 тонн груза и 40 человек).

Дежневцы использовали навигационные приборы и прежде всего компасы-матки; в отряде их было не-

¹ Белов М. И Подвиг Семена Дежнева М, 1975, с 52—54. Здесь изложен документальный материал, опровергающий прежнюю версию о родине С. И. Дежнева, которой якобы был Устюг Великий. Такой точки зрения придерживался и автор в своих прежних изданиях. Оказалось, что для нее нет никаких документальных оснований. Возникла она случайно. Первые исследователи биографии С. И. Дежнева, в особенности архивист Н. Н. Оглоблин (О г л о б л и н Н. Н. Восточносибирские полярные мореходы в XVII в ЖМНП, 1903, ч. 347, с. 44—45; Он же Смерть Семена Дежнева в 1673- году. «Библиограф», 1891, № 3—4, с. 60—62), обнаружив челобитную С. Дежнева царю Алексею Михайловичу от 25 февраля 1665 г с просьбой отпустить с ним в Якутск племянника «Ивашку Иванова с Устюга Великого, где Ивашка жил на Устюге Великом ни в тягле, ни в посаде — скитаецца меж двор .», пришел к поспешному заключению, что Иван Дежнев родился в Устюге Великом. Все последующие биографы, ссылаясь на Н. Н. Оглоблина, присоединились к нему безоговорочно, не приведя никаких новых источников. На страницах упомянутого издания развернуто документальное доказательство того, что С. И. Дежнев и его родичи жили на Волоке Пинежском, откуда родом н племянник знаменитого казака, волею судеб оказавшийся в 1665 году в Устюге Великом. Позднее, в 1710 г. он поселился в Пустозерском остроге, а в якутск не поехал. Он владел в 1710 г. землей и двором на своей родине — в Волоко-Пинежской волости.

сколько штук. Имелись и примитивные измерители течений и другие несложные морские приборы. Мезенские мореходы владели ими в совершенстве.

Чем же стало для поморов освоение Мангазейской земли, Восточной Сибири и Севера Восточной Азии — эта ярчайшая страница их биографии?

В XVII в. в результате походов за Урал прежде всего произошли существенные изменения в демографии. Сотни и тысячи северян осели в ими же созданных городах и зимовьях, превратившихся в постоянные поселения северной полосы Азиатского континента. Многие из этих поселений дожили до наших дней. Это города Туруханск, Якутск, поселки Хантайка, Хатанга, Жиганск, Верхоянск, Нижнеколымск, Среднеколымск, Верхнеколымск, Анадырь.

Не прошли бесследно сибирские походы и для поморов Мезени. Бесспорно, что, побывав в далеких странах, многие из мезенских крестьян пережили коренную перестройку своего миропонимания — расширился их горизонт и взгляды на людей и события. Но в то же время под воздействием грандиозного процесса развития всероссийского рынка, широко и глубоко затронувшего Сибирь, в Поморье и на Мезени происходило имущественное расслоение среди крестьян. Резко обозначилась прослойка богатых односельчан, активно участвовавших в общесибирской и общероссийской торговле. Среди состоятельных крестьян — купцы Ружниковы и Коткины. На другом полюсе шел процесс обнищания мезенских крестьян. В следующем, XVIII столетии эти два процесса стали развиваться еще быстрее.

И кормщики, и корабли

С конца XVII в. Россия переживала значительный подъем народного хозяйства, торговли и промышленности. Это было связано с проведением реформ, извест-

ных как «Петровские преобразования». На берегу Невы выросла новая русская столица — Петербург. Была создана новая национальная армия и первый в России военно-морской флот, вскоре одержавший блистательные победы на море. Все эти события прямо коснулись жителей Русского Севера. Холмогорские верфи, основанные купцами Федором и Осипом Бажениными, при поддержке казны отстроили первые «новоманерные» корабли, которые перегонялись вокруг Скандинавии на Балтику. Петр Первый очень высоко ценил смекалку и отважность поморов, их умение управлять судами, плавать на далекие расстояния и в опасных местах. Но в то же время запретил строить «староманерные» поморские суда — лодьи и кочи. Поморам повелевалось строить корабли только на голландский и английский манер.

Высокая оценка Петром морского искусства северян обратила на себя всеобщее внимание. Поморов стали привлекать на государственную службу и для строительства нового флота. Вот почему по царскому распоряжению из Петербурга в Поморье были посланы доверенные лица — капитаны Сенявин и Румянцев. Повсюду, а особенно в Архангельском и Мезенском уездах, посланцы Петра набирали молодых людей на новые корабли.

Из переписки Петра I с вице-губернатором Архангельска Алексеем Курбатовым явствует, что петровские наборы матросов и судостроителей совпали с кануном выхода русского флота на просторы Балтики. Интенсивно проводились они за год до сражения под Гангутом. Петр строжайше предписал Курбатову подготовить и спустить на воду Северной Двины, а затем перегнать на Балтийское море три военных корабля, набрав в их экипажи самых опытных поморов «с кочей, а также людей с морянок и карелок, набрав добрых и молодых». Сенявин и Румянцев вели набор матросов

и корабельных мастеров из числа молодежи, уже ходившей на Новую Землю и Грумант.

Набор 1713 г. Сенявин произвел осенью: в Архангельске — 226 молодых людей, на Мезени — 50, в Кевроле—50. Большую часть новобранцев отправили в Петербург. В следующем году капитан Румянцев продолжил набор и отослал в Петербург 327 молодых поморов (из Архангельска — 180, из Кевролы — 90, из Мезени—127 человек). Одновременно на Петербургские верфи было отправлено 250 корабельных плотников¹. Корабельная повинность поморских уездов продолжалась вплоть до 40-х годов.

К началу XVIII в. Окладникова и Кузнецова слободы заметно изменились — по сравнению с тем временем, когда была завершена первая перепись на Мезени.

Автору удалось отыскать в архивах вторую по времени перепись, датированную 1710 г. Она была выполнена по указанию князя Петра Голицына подполковником Перекрестовым².

В переписи отдельной графой указаны культовые постройки. Впервые они были перечислены еще в писцовой книге 1622—1623 гг. В те годы на погосте Окладниковой и Кузнецовой слобод действовали два деревянных храма — церковь Рождества Пречистой Богородицы и церковь Петра и Алексея. Оба храма были построены в форме деревянных клетей, второй — с «деревянным верхом». Отмечено, что строили и содержали церкви «приходские люди». К началу XVIII в. эти храмы обветшали, вместо них возвели новые

Появились также торговые постройки: изба земская, таможня и кружечный двор. Они разместились в Окладниковой слободе.

¹ Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. М., 1956, с 228—230

² Архив Ленинградского отделения Института истории АМ СССР, ф 10, оп 3, ед хр 7, л 1—20.

В переписи заметно прослеживается расслоение среди слободских крестьян. Если по писцовой книге 1622—1623 гг. население слобод можно признать более или менее однородным — это были черносошные крестьяне, то вторая перепись выделяет в Окладниковой слободе из общего мира гостиную сотню.¹ Правда, в этой «сотне» насчитывалось всего три крестьянина: Иван Коткин, Степан Алексеев Шарашкин и Яким Семенов сын Коткин — потомок того сибирского Коткина, который служил целовальником Колымы. Бесспорно, что Кирилл Коткин с собой привез немалое состояние. А если припомнить, что по писцовой книге 1622—1623 гг. во владении Коткиных находилось земель больше, чем у всех других односельчан (6 четвертей), то общее состояние Коткина, зачисленного в начале XVIII в. в гостиную сотню, выражалось уже солидными суммами.

Возникновение и оформление таможенной службы в Окладниковой слободе указывает на ее общий рост и значение не только на Мезени, но и далеко за пределами волости.

Выросло население и число крестьянских дворов. В 1710 г. в слободах насчитывалось 166 дворов (94 + 72) против 110 дворов в начале XVII в. В них проживало 1519 жителей, причем женщин больше, чем мужчин (1111 + 405). Объяснение этому — участвовавшие войны, которые в начале XVIII в. Петр I вел на суше и на море. Наборы на военную службу продолжались более двух десятилетий, пока Россия не одержала внушительной победы над шведами, заключив Ништадтский договор (1721 г.).

В эти годы Окладникова и Кузнецова слободы переживали период дальнейшего разложения системы крепостнических отношений.

¹ Разряд торговых людей.

Наблюдался подъем экономической жизни: развивалась торговля и кустарная промышленность. В целом в Поморье продолжалось расслоение крестьян и укреплялась теперь уже влиятельная прослойка торгово-промышленного люда, особенно в таких крупных центрах, как Архангельск, Вологда, Устюг.

В сфере торговли и промыслов бичом стало назначение царских фаворитов, захвативших зверобойные и рыбные промыслы в Поморье. Оно страдало и от русских временщиков (Меншиков, Шафиров, Шувалов), и от иностранных дельцов, которые широко пользовались монопольным правом (Вернизобер, Шемберг, Гом и др.).

И все же, несмотря на это, развивались и поморское судоходство, и кустарные промыслы. Вот что отмечает статистика. В 1710 г. Кольские становища посетило 517 «пеших» крестьян, плававших вдоль побережья на 262 судах. В Кольской таможне они зарегистрировали свою добычу: 71 947 штук трески и 4803 пуда «трескового сала». В следующем году на зверобойный промысел в Колу пришло 190 больших судов и 87 средних лодей, каждая из которых поднимала 120 тонн груза. А еще через год в этом районе побывало 550 промышленников на 209 судах.

В 30-е годы в Поморье началась организация китобойного дела. Организаторами его выступали упомянутые иностранные предприниматели. И хотя новым промыслом — в составе китобойной флотилии находилось три корабля — занимались до начала 40-х годов, зримого успеха он не имел. Для русских это был незнакомый промысел, поэтому найти на родине опытных китобоев оказалось невозможно. Кроме того, организаторы китобойного дела не смогли поставить его на коммерческую основу, вступив друг с другом в пагубную конкуренцию.

Значительно успешнее развивались поморские про-

мысли на островах и заливах Северного Ледовитого океана. Сохранились любопытные документы: ведомость о товарах, доставленных в 1787—1789 гг. в Архангельск, а также перечень судов, прибывших к Архангельской пристани. Из Мезени тогда пришло 14 судов и 85 поморов — рыбаков и зверобоев. Со Шпицбергена прибыло 17 судов и 225 промышленников, с Новой Земли — 5 судов и 145 промышленников. В те годы выдающимся мореходом считался мезенец Михаил Личутин. На Новую Землю ходили бесстрашные мезенцы и пустозерцы Михаил Корепанов, Андрей Воронцов и Михаил Павлов. Среди мезенцев своими далекими походами на Новую Землю и Шпицберген, а также в устье реки Енисей в 1748—1797 гг. прославился Федот Рохманин. По отзыву члена-корреспондента Академии наук В. В. Крестинина, Рохманин передал ему ценные сведения по лоции Новой Земли. «Рохманин отличался от прочих кормщиков, — писал ученый, — знанием своим читать и писать, он любопытен и имеет неограниченную склонность к мореплаванию и охоту к обысканию неизвестных земель». Именем Рохманина поморы назвали становище на юго-западном берегу Новой Земли — Рохманово.

Полярные «робинзоны»

Ослепительным отблеском озаряет морскую славу северян, их силу духа, стойкость, выносливость подвиг четырех мореходов из Окладниковой и Кузнецовой слобод. Он оказался настолько невероятным, что вскоре оброс легендами и стал одним из любимых сюжетов в мировой приключенческой литературе.

О четверке мезенцев нам известно из книги русского академика Пьера Ле Руа «Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурей принесенных». Книга впервые была издана в Петербур-

ге на французском языке в 1766 г. При подготовке четвертого русского издания (Москва, 1975) автору этих строк удалось установить на основе неизвестного ранее документального материала, что в ряде случаев принципиально по-новому следует освещать организацию и ход плавания мезенских поморов на Грумант. Новые материалы и результаты их анализа опубликованы в приложениях и предисловии к четвертому изданию книги «Приключений...».

Ле Руа рассказывает, как четыре мезенца отправились летом 1743 г. на обычный промысел в знакомый им район Шпицбергена. Закончив его, промышленники решили возвратиться назад в караване судов, на которых плыли их земляки. Случилось так, что караван зашел в район островов Эдж (Северо-Восточная Земля) в ожидании погоды. Одна лодья, где находились четверо наших героев, завернула на знакомый им остров с избушкой, чтобы пополнить свою добычу. Кстати говоря, в 1827 г. этот остров под названием Полумесяц обнаружил норвежский геолог М. В. Кейлау. Он прочел на двери строения: «Сия изба староверска. 22 апреля 1731 г.».

Когда зверобои вышли на берег, они не увидели ни своей лодьи, ни других судов. Караван был рассеян и отброшен в море внезапно разразившейся бурей.

Тогда мезенцы решили вернуться назад вглубь острова. Положение было отчаянным. Ведь с собой они захватили только 12 зарядов пороха, которые уже использовали при охоте на диких оленей, нож и немного муки. Был у них топор — островитяне заготовили плавник на зиму. Вскоре нашлись выброшенные на берег доски с железным крюком и несколькими гвоздями. «Здесь же был обнаружен, — пишет Ле Руа, — еловый корень, имевший почти совершенную фигуру лука». С помощью ножа они соорудили самодельное приспособление для выброса тетивой стрелы. Смастерили ро-

гатину, чтобы обороняться от белых медведей. Была сооружена и кузница, в основание которой положили большой камень — в качестве наковальни, а из двух оленьих рогов сделали клещи. Теперь можно было изготовить и молоток, и выковать железца на рогатины. Итак, копыа есть, а удачливая охота на диких зверей дала в свою очередь возможность сделать из жил несколько луков и другие приспособления.

«Робинзоны» хорошо умели коптить говядину и окорока и различного сорта рыбу. Летом пили воду из ручьев, а зимой топили лед. Для этой цели соорудили небольшой котел. Избушка в темное время освещалась светцами, обогревали ее сооруженной из камней печкой, а вместо спичек и огнива пользовались трупом из пеньки. Большим подспорьем для островитян были остатки кораблей, которые выбрасывало на берег.

Зимовка окончилась так же неожиданно, как и началась. 15 августа 1749 г. на остров прибыла из Онеги лодья Амоса Кирилловича Корнилова. Забрав с собой «робинзонов», лодья немедленно отправилась в обратный путь и пришла в Архангельск 28 сентября 1749 г. Таким образом, мезенцы прожили на необитаемом острове 6 лет и 3 месяца. По окончании своей зимовки они обладали большим количеством пушнины на значительную сумму; особенно хороши были шкуры белых медведей, оленей и песцов.

Об этом приключении стало известно в Петербурге. Мореходов пригласил к себе «содержатель сальных промыслов» граф Шувалов. В Петербург приехало только трое из них — четвертый умер от цинги незадолго до прихода онежской лодьи. С «робинзонами» побеседовал воспитатель детей Шувалова Ле Руа.

Академик сравнил шестилетнюю зимовку мезенцев с подвигом английского моряка Селькирка, который под пером английского писателя Даниэля Дефо превратился в известного Робинзона Крузо. Разница между «ро-

бинзонами», с точки зрения Ле Руа, заключалась лишь в том, что Селькирк пробыл на неизвестном острове Атлантического океана всего полтора года, а мезенцы — 6 лет и 3 месяца. Товарищ Ле Руа Вернизобер, принимавший участие в этой литературной эпопее, решил сопоставить условия, в которых оказались герои Дефо и Ле Руа. Он считал, что своим произведением Ле Руа хотел доказать: жизнь может создать такие ситуации, за которыми не может угнаться даже фантазия писателя. Вернизобер писал: «Англичанин сообщил нам баснословную историю Робинзона Крузо. Но эта история (зимовка мезенцев. — М. Б.) реальнее и действительнее. События первой разворачивались в жаркой стране, наши же матросы пережили их в глубине Севера, на 77-м с половиной градусе. Англичанин мог приготовить пунш из винограда, произрастающего на его острове. Наши же бедные, несчастные, но твердые духом русские довольствовались водой...»

Бесспорно, Вернизобер прав в том, что Ле Руа создал увлекательное описание приключений простых мезенских мореплавателей, преодолевших невероятные препятствия.

Но долгое время у читателя оставалось сомнение: а существовали ли вообще такие мореходы из Мезени? Может быть, это плод литературной фантазии Ле Руа?

Автор этих строк предпринял поиски документов, которые могли бы рассеять или подтвердить сомнения.

Результат поисков был неожиданным. Оказалось, что Ле Руа до неузнаваемости искажил фамилии, имена и отчества мезенцев. Он назвал имена четырех грумманланов так: штурман Алексей Химков и матросы Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин. Выяснилось, что только две последние фамилии названы правильно. Фамилия Химковых вообще не встречается в переписных книгах Окладниковой и Кузнецовой слобод. А ведь именно этим двум поморам Ле Руа отводит

ведущее место в ходе зимовки. Первого он называет штурманом, роль Ивана не совсем ясна, но, несомненно, он был близким родственником Алексея Химкова. По сведениям Ле Руа, Ивану много раз случалось зимовать на западном берегу Шпицбергена. Прославился он житейским опытом и познаниями в народной медицине. Именно Иван посоветовал своим товарищам есть сырое мерзлое мясо, разрезая его на мелкие кусочки, пить теплую оленью кровь, чтобы избежать цинги.

Первое, что удалось обнаружить среди документов XVIII в., могущих подтвердить или опровергнуть повествование Ле Руа, была запись рассказа мезенца-промышленника, хорошо знавшего своих знаменитых земляков. Рассказ записал в 1797 г., во время подготовки описания для экономических примечаний Генерального межевания Российской империи, уездный землемер и инженер Федор Киселев. Публикация этого рассказа под названием «Изустные показания промышленника-мезенца» была подготовлена автором этих строк для четвертого издания книги Ле Руа. Рассказ в общем повторил изложенное Ле Руа, хотя и содержал некоторые любопытные новые сведения. Больше всего поразило то, что фамилии мезенцев-«робинзонов» совершенно не совпадали с названными Ле Руа. Одного из них, по словам старожил-промышленника, звали Крыскою, другого Турпановым, а третьего — Кабановым.

Возникло предположение — а уж не прозвища ли это мореходов? Но как это проверить? Подлинных документов с указаниями фамилий на руках не было. Начались поиски. Они были сложными и нескорыми. Трудность возникла от того, что для начала нужны были переписные книги Мезени 40-х годов XVIII в., а их в архивах не оказалось. А самое главное — на Мезени не существовало фамилий Химковых. Сомнение в правдоподобности рассказа Ле Руа усилилось!

И вот автор этих строк снова в Архиве древних актов в Москве, где хранятся ревизские сказки за XVIII в. На этот раз поиски оказались удачными. В ревизской сказке 1762 г. была сделана выписка из предыдущей, третьей ревизии 1748 г. На листах 57-м и 58-м — текст: «1749 г. октября 20 день (это дата возвращения груманланов в Окладникову слободу. — М. Б.) прибывшие от морского Груманландского промысла, которых на том острове были с 1743-го года от разбития судна крестьяне и при новой ревизии показаны погибшими нашей Окладниковой слободки: Алексей Иванов сын Инков, 47 лет; Хрисанф Прокофьев сын Инков, 41 год». Итак, с помощью официального документа удалось восстановить подлинную фамилию двух главных груманланов — Алексея и Хрисанфа Инковых, и следовательно, Ле Руа эти фамилии написал неверно, назвав их Химковыми. Тогда уточняются и фамилии, названные промышленником-мезенцем. Собственно, это не фамилии, а их прозвища: Алексея звали Турпановым, а Хрисанфа — Крыской.

Дальнейшие поиски позволили выяснить почти всю родословную двух Инковых. Алексей родился в Окладниковой слободе в 1700 г. Мать его звали Агриппиной Кирилловной, тоже из Окладниковой слободы. Хрисанф Инков — двоюродный брат Алексея. В церковных метриках его имя значилось Крысан. Он родился в 1721 г. в семье Прокопия Емельянова Инкова. В Окладниковой слободе Прокопий жил отдельным от Ивана двором.

Удалось установить, что Алексей и Хрисанф происходили из коренного рода мезенцев. Представители семьи Инковых неоднократно бывали на Шпицбергене и Новой Земле. В 1673 г. прадед Алексея и Хрисанфа Федор Инков совершил поход на Новую Землю и торговал моржовым салом в Архангельске. Его сыновья Трофим и Федор в 1714 г., по указу Петра I, были

приняты матросами на Балтийский флот, потому что «на кочах и лодьях на Новой Земле и Груманте бывали». Итак, установлены фамилии и имена четырех груманланов. Это Алексей Иванов Инков, Хрисанф Прокофьев Инков, Федор Андреев Веригин, Степан Стахеев Шарапов.

Город

Во второй половине XVIII в. наблюдается общий подъем хозяйства двух мезенских слобод. Они разрослись, набрались сил, снискали славу в губернии. Формально обе слободы давно переросли рамки простых поселений. В административном плане этот рост был зафиксирован в 1739 г., когда в Окладниковой слободе, кроме земской избы, таможни и кружечного двора — торговых зданий, было построено и административное — воеводская канцелярия.

Учреждение уездного центра приходится на 1780 г., когда указом Екатерины II некоторые селения Архангельской области были отнесены к разряду городов. В полном собрании законов Российской империи под номером 14973 (том XX, СПб., 1830, с. 911) опубликован именной указ Сенату о переименовании части сельских селений в города. Указ датирован 25 января (5 февр. по нов. ст.) 1780 г.

Там же высказано пожелание о том, чтобы определить точные границы уездов и городов. Это мероприятие было проведено только через 17 лет в процессе Генерального межевания Российской империи.

Результаты межевания Архангельской губернии были изложены в двух объемистых томах под названием «Атлас Архангельской губернии» с топографическим, историческим, экономическим и камеральным описанием. Мезенский уезд и город Мезень заняли в Атласе

39 страниц (580—619). Атлас составил и вычертил губернский землемер Федор Киселев.

Атлас сообщает: «Город Мезень лежит на правом берегу реки Мезени, в сорока верстах от Белого моря. Берег умеренной высоты, ровный и, отделяя от себя рукав, образует остров. С северо-востока Мезень окружена болотами, с открытыми к морю местами. К западу от города протекает река Мезень, к югу пахотные и луговые места, окруженные издали лесами и мшарниками». У самого города располагалась судовая пристань. Город вытянулся в длину по берегу Мезени на одну версту 330 сажень, а в ширину — на 100—330 сажень. По определению Ф. Киселева, город имел «продолговатую фигуру, сложенную из одной трапеции, разделенной двумя ручьями. Воздух в городе и вода здоровые».

В 1780 г. в Мезени открываются городское управление, магистрат, сиротский суд, словесный суд, нижний земский суд и уездное казначейство. Из наиболее значительных событий отмечено: в 1781 г. был утвержден герб Мезени — красная лисица на серебряном поле «в знак того, что жители сими зверями производят торг». 16 января 1784 г. город, по указу царицы, был подтвержден, т. е. ему присваивалось право вынесения судебного приговора. До 1784 г. город находился в составе Вологодского наместничества, а после — в Архангельском наместничестве. Федор Киселев заканчивает свое описание, отметив, что до 1797 г. в Мезени все еще не была открыта «управа благочиния», а поэтому и город на части и кварталы не разделен.

В городе имелись четыре культовые деревянные постройки, винный магазин, два питейных дома, соляной магазин, построенный в 1786 г. на каменном основании, земляной погреб, где хранилась денежная казна, 35 торговых лавок, 6 кузниц, 10 деревянных мукомольных мельниц, 240 жилых построек.

важные географические открытия, то уже со второй половины XVIII в резко выделяется группа зажиточных людей, как видно из табеля населения Мезени 1797 г. В городе уже насчитывалось 60 купцов II и III гильдии, которые в следующем столетии участвовали своими капиталами в развитии кустарной и фабричной промышленности, в создании всякого рода компаний по разработке леса, лова рыбы и морского зверя. Они выступали как эксплуататоры беднейших слоев населения.

Казенные здания представлены Нижней воеводской канцелярией, где в 90-е годы располагались городской магистрат и словесный суд. Воеводский дом, сохранившийся в довольно ветхом состоянии, был построен в 1769 г. В доме поселился мезенский городничий. Воеводский двор состоял из трех деревянных зданий, выстроенных в 1780 г. «для присутственных мест в девяти покоях».

По распоряжению Архангельского приказа общественного призрения на Мезени в 1797 г. было открыто учебное заведение — малое училище, разделенное на два класса, преподавание в котором велось по разработанной для народных училищ методике. Учиться начинали с шестилетнего возраста. Преподавали в училище грамматику, правописание, арифметику.

План города, каким он выглядел в 1797 г., воспроизведен с цветного подлинника с указанием расположения казенных и общественных построек.

Можно говорить о заметных социально-экономических переменах в мезенском мире. Если в XVI—XVII вв. наиболее активная часть мезенцев выступала как прогрессивная прослойка людей, осваивавших природные, в особенности пушные, богатства Сибири, совершавших

Табель о числе жителей и строений

Число жителей	Муж.	Жен.	Строений	Число
Купцов 2 гильдии	2	-	Церквей	4
Купцов 3 гильдии	58	48	Казенных строений	6
мещан	583	720	Питейных домов	2

В 1797 г. в Мезени проживало 1522 человека, из них мужчин — 702, женщин — 820. Таким образом, в численном составе горожан и соотношении полов почти за сто лет мало что изменилось, так как по-прежнему бичом являлись наборы в армию и флот на дли-

тельный срок. Екатерина II вела многочисленные войны с Турцией и Францией, а также за раздел Польши. Войны уносили с собой тысячи жизней.

В 1802 г. город был записан в число штатных городских поселений Архангельской области. Правда, он оставался деревянным и не раздался ни вширь, ни в длину, занимая полторы версты вдоль реки Мезени и в ширину 360 саженей. В городе уменьшилось количество храмов — осталось три церкви. Появились две площади, а жилой массив был разбит на 10 улиц и переулков. В центре города стоял Присутственный казенный дом, вдоль реки расположилось 208 частных жилых деревянных зданий.

Так выглядела Мезень в начале XIX в. В недрах феодально-крепостнической экономики уже успешно развивался противоречивый процесс вызревания новых производственных, капиталистических, отношений. Коснулся он и Русского Севера — края, который одним из первых вступил на путь организации всероссийского рынка. Процесс разложения крепостного хозяйства и возникновение новых, буржуазных отношений требовал неотложного разрешения ряда проблем. Прежде всего надо было наладить плавание по арктическим трассам, что, в свою очередь, настоятельно вызывало необходимость новых исследований, составления новых карт и лодий.

С военными гидрографами на Новой Земле

С появлением более совершенных кораблей и малого мореходного флота, новых навигационных мореходных приборов, более точных морских карт появилась реальная возможность совершения далеких морских походов.

В 1803—1806 гг. Россия организовала и провела первое кругосветное плавание на шлюпах «Нева» и «Надежда» под руководством капитана И. Ф. Крузенштерна, положившее начало целой серии подобных морских походов. В ходе первых кругосветных плаваний Россия быстро приобрела упущенный в прошлом приоритет морской державы. Вновь выдвинулся вопрос о развертывании исследований северных морей и островов Северного Ледовитого океана. Эти исследования возглавили молодые морские офицеры России, из числа которых выросли крупные общественные деятели науки и просвещения. Среди них выдающееся место принадлежит морякам-декабристам.

По планам и проектам молодых русских офицеров, в ряде случаев поддержанных прогрессивными государственными деятелями, в частности канцлером М. П. Румянцевым, в арктические воды были снаряжены экспедиции по обследованию и нанесению на карты островов Русского Севера.

Изучение многочисленных документальных источников первых трех десятилетий XIX в. показывает, что на всех этапах исследования островной части Европейского Севера деятельное участие в нем принимали поморы.

В 1806—1807 гг., по инициативе М. П. Румянцева, на Новую Землю была направлена экспедиция. Ее возглавил горный чиновник Лудлов и штурман Григорий Поспелов. Экспедиционное одномачтовое парусное судно «Пчела» (35 т) вел житель Мезени Мясников, который неоднократно посещал Новую Землю и Шпицберген. Матросами на судно были также приглашены поморы.

Цель этой первой научной арктической экспедиции в XIX в. — поиски на архипелаге серебряной руды, а в случае неудачи — сбор научных данных об островах, окружающих Новую Землю, что могло бы способствовать развитию рыбных и зверобойных промыслов.

А теперь небольшое отступление...

Обращение к мезенцам с просьбой помочь в экспедиции были не случайным. Именно на Мезени и в Пустозерске искони жила мысль о поисках серебряных, и медных руд. Еще в 1491 г в районе Усть-Цильмы побывала русская экспедиция Василия Болтина, Ивана Брюхо-Коробьина и Андрея Петрова, пытавшаяся найти залежи серебряных и медных руд. Организаторы этой экспедиции привлекли к работе северян. Результат был неплохим, — серебряную и золотую руду обнаружили на реке Косме. По определению участников экспедиции, она залежала на протяжении десяти верст¹. Известие о находке золотых и серебряных руд, еще до путешествия Колумба, вызвало живейший интерес в Западной Европе. В 1492 г. император Священной Римской империи Максимилиан I и австрийский герцог Сигизмунд направили в Москву своего специалиста агента Михаила Снупса, чтобы добиться разрешения на поездку в Мезень, на Урал и дальше, на реку Обь, с целью поисков драгоценных металлов. Ответ Ивана III императору Максимилиану был отрицательным. Снупса не пустили в «полуночные страны» под благовидным предлогом, что на своем пути он может встретить «немалые труды и бедствия». Есть сведения, что на Новую Землю посылал рудознатцев и царь Иван Грозный,

Крупная правительственная экспедиция 1626—27 гг. во главе с рудознатцем Г. Загряским работала на Канином Носу, в мезенских краях. Она посетила «Канинские нижние горы», оказавшиеся бедными рудой.

В течение долгого времени существовало на Руси явное заблуждение: знатоки горного дела полагали, что Тиманский кряж геологически связан с Новой Землей и поэтому если в районе Тиманских гор отыщется серебряная или медная руда, то поиски ее следовало продолжать на Новой Земле. Это мнение оказалось ошибочным. На самом деле в геологическом отношении Новая Земля является продолжением не Тиманских гор, а Уральского хребта. Не зная всего этого, уверенный в правильности непроверенной гипотезы, Посольский приказ в 1651 г. отправил на Новую Землю экспе-

¹ Белов М. И. Арктическое мореплавание., с. 62.

дицию на поиски серебряных руд во главе с пустозерским воеводой Романом Неплюевым. В товарищи к себе Неплюев пригласил жителя Кузнецовой слободы Фому Кыркалова. Его однофамильцы и потомки Михаил Никитин Кыркалов и Гаврила Дмитриев Кыркалов значатся в переписи 1710 г. Экспедиция Неплюева и Кыркалова успеха не имела; оказавшись в тяжелых природных условиях без соответствующего продовольствия, Неплюев вынужден был зимовать по дороге на Новую Землю. Во время зимовки он умер. В 1667 г. царский двор послал на реку Цильму для поисков руды того же Фому Кыркалова и плавильщика Иконника, который «для плавления рудного преж всего бирован». Им надлежало использовать «заводы и снасти», в свое время приготовленные для экспедиции Романа Неплюева. О результатах поездки Кыркалова и Иконника сообщается, что «разведчики доставили в Москву образцы обнаруженных ими медных руд»¹.

...Не добившись успеха в поисках металлов на Новой Земле, Лудлов вместе с тем совершил удивительное плавание вдоль западного берега архипелага. Штурман Поспелов положил на морскую карту берег от Костиного Шара до входа в Маточкин Шар.

Свой журнал, карту и зарисовки побережья, что делалось впервые, Лудлов передал Федору Литке, который представил их в Адмиралтейств-коллегию.

В своем четырехлетнем плавании у берегов Новой Земли Ф. Литке еще шире использовал опыт поморов. В 1821 г. он нанял на свой бриг «Новая Земля» мезенца Павла Откупщикова, совершившего не один поход со своим отцом на Шпицберген и Новую Землю. Откупщиконы — коренные жители Окладниковой слободы. В экспедиции Ф. Литке Откупщикову поручалось вести бриг вдоль побережья Новой Земли. Еще до этой по-

¹ Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX в. М., «Наука», 1978, с. 104.

ездки молодой помор побывал в районе Горбовых островов. А за участие в плавании на бриге «Новая Земля» Павел был награжден правительством серебряной медалью.

В ходе плавания у берегов Новой Земли Откупщиков разъяснил Федору Литке его ошибку, когда в 1822 г. мореплаватель из-за неточности счисления принял мыс Нассау за мыс Желания. Помору-мезенцу не стоило большого труда опознать хорошо известные ему приметы мыса Желания. Незаменимым оказался Павел и во время прохода брига по узкому проливу Маточкин Шар от мыса Баранова до мыса Выходного.

Поэтому обоснованно писал Федор Литке о том, что Поморье богато замечательными знатоками арктического мореплавания. Эти люди провели десятки лет в суровых полярных плаваниях и накопили знания, которые могли бы во многих случаях избавить науку от дополнительных исследований.

Экспедиции морских офицеров 20-х годов ознаменовались крупными походами в океанах. Выдающимся было кругосветное плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» 1819—1821 гг. под командованием капитана Ф. Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М. П. Лазарева, открывших шестую часть света — Антарктиду.

В 30-е годы XIX в. поморы продолжали свое непосредственное участие в новоземельских плаваниях. В когорту отважных вошли такие мореплаватели, как Петр Пахтусов, Август Циволька, Семен Моисеев.

В 1832—1833 гг. на Новой Земле работала продолжавшая исследования Ф. Литке экспедиция военного гидрографа Пахтусова. Петр Пахтусов, прежде чем отправиться в путь, подолгу расспрашивал поморов, в особенности мезенцев и пустозерцев, лучше, чем другие, знавших восточный берег архипелага. Местные жители рассказали, что один из мезенских промышленников в поисках богатых лежбищ морского зверя ходил через

Карские ворота на Карскую сторону. Как раз в этом и состояла главная цель плавания Пахтусова. Он должен был произвести опись восточного берега Новой Земли и выйти к мысу Желания. В состав экипажа «Новой Земли» Пахтусов включил двух мезенских крестьян-промышленников — Ивана Гладкова и Семена Личутина.

Исследования Пахтусова продолжали гидрографы Август Циволька и Семен Моисеев.

Исследования Новой Земли, начатые в 1807 г., завершились в 1839 г. Результаты их оказали значительное влияние на освоение Арктики, принесли пользу развитию народных промыслов. «Отважные промышленники Поморья, — писал в обращении начальнику Главного морского штаба Гидрографический департамент, — убедились ныне в пользе морских карт и, имея их, смелее пускаются на новые предприятия. Таким образом, карты кап. Литке и промер Пахтусова завлекли наших мореходцев к северным пределам Новой Земли...»¹.

Мнение Гидрографического департамента подтверждают факты. Если до экспедиции Ф. Литке плавания в районе Новой Земли исчислялись единицами и охватывали сравнительно небольшой участок западного побережья, то с начала 30-х годов они приняли более массовый и систематический характер. В 1831 г. из Пустозерска на Новую Землю отправилась всего лишь одна лодья и два карбаса. В 1834 г. туда ходило уже 33 лодьи, а в 1835 г. — 118 судов.

Среди мезенцев, продолжавших свои новоземельские и грумманланские промыслы, складывались династии мореходов, чьи отцы и деды начинали плавания еще в XVI—XVII вв. В 1838 г. на Новую Землю плывал Илья Инков, потомок «робинзонов» Инковых.

¹ Белов М. И. Арктическое мореплавание... с. 409.

В начале XIX в своими плаваниями на Шпицберген прославился Иван Старостин. С 1780 г. в заливе Грин-Храбург, изобиловавшем белухами, он провел 32 зимы. Скончался Старостин на Шпицбергене в 1826 г. и был похоронен возле своей избы на мысе, названном его именем.

Защита родного Поморья

В первой половине XIX в, после столетнего затишья, арктические районы России стали объектом нападения военно-морских флотов Западной Европы.

Российское военно-морское командование всегда рассматривало Поморье как важнейший участок, откуда противник мог нанести чувствительный удар. Еще в XVI в. Руси, не располагающей военно-морским флотом, приходилось отбивать вражеские нападения с моря. Обычно налеты противника заканчивались его поражением, но это наносило серьезный материальный ущерб хозяйству местного населения.

Сокрушительный отпор неприятельские корабли получали со стороны Соловецкого монастыря. Под его стенами в 1582 и 1590 гг. потерпели поражение войска шведских военачальников. Это повторилось в 1611 г., когда шведские войска пытались овладеть мощной крепостью Соловков.

В 1705 г. было завершено строительство в устье Северной Двины Новодвинской крепости. Она отразила нападение шведской эскадры из семи военных кораблей, нанеся им сокрушительное поражение.

Опись прибрежных районов и островной части Европейского Севера, в особенности Новой Земли, русское командование рассматривало как мероприятие оборонного значения.

В 1807 г. Россия вошла в систему континентальной блокады и тем самым вступила в состояние войны

с Англией. Архангельский порт и близлежащие районы, куда входила и Мезень, были приведены в боевую готовность.

7 мая 1809 г английский военный корабль напал на поморские суда и на их промыслы у берегов Кольского полуострова, а затем вошел в Екатерининскую гавань (ныне порт Полярный), где располагалась база Беломорской компании. Англичане захватили 10 промысловых и транспортных судов, продовольствие и улов рыбы. Тем временем два других английских корабля грабили и разоряли промысловые становища Мурмана.

8 борьбе с противником поморы проявили чудеса героизма и мужества. В августе 1810 г. в плен в районе Норд-Капа была захвачена лодья «Евгус 2-й», которой управлял Матвей Андреевич Герасимов. Овладев русским судном, англичане приказали его команде на правиться в Англию под охраной своего офицера и матросов. Но 30 августа, когда все англичане, кроме вахтенного, улеглись спать, Герасимов со своими друзьями напал на часового и бросил его за борт, а вражескую команду они заперли в каюте. Через несколько дней поморы привели судно в норвежский порт Вардэ и сдали пленных коменданту. При выходе из каюты английский офицер добровольно передал Герасимову шпагу, кортик и карманный кинжал. В качестве трофеев поморы взяли также британский флаг и план города Лондона. 16 сентября 1810 г. «Евгус 2-й» вернулся на родину. Герасимов за совершенный подвиг награжден Георгиевским крестом.

Во время Крымской войны 1854 г. налет на становища и города Поморья совершила англо-французская эскадра. Нападению подверглись Соловецкий монастырь, селения на берегу Белого моря — Кузомень, Кандалакша и город Кола.

Под Соловками английская эскадра потерпела крупное поражение. Английские батареи, установленные на

кораблях, не только не разрушили крепостные укрепления, но и сами попали под сильный огонь.

Не меньший урон нанесли английским и французским кораблям жители Кандалакши и дружная команда города Колы. Это была самая бесславная англо-французская морская акция в мировой истории военного искусства.

«Век девятнадцатый, железный...»

Развитие капитализма в России вызвало интерес деловых кругов к Русскому Северу, где были выявлены значительные природные ресурсы. В области промышленной деятельности это проявилось в попытках организации общепоморских компаний по их разработке.

В 1803 г. была учреждена Беломорская компания, в состав которой на паях вошли все известные в Поморье купцы, связанные с морскими промыслами. Компания, согласно ее акта, могла заниматься сельдяным промыслом, ловом, солением и сушением рыбы, промыслом тюленя, моржа и кита, добычей соли из морской воды. Деятельность компании не ограничивалась одним Белым морем, а могла распространяться «по всем невозбранным и удобоприступным высотам Северного океана и обнимать острова Новой Земли, яко издревле Российскому владению принадлежащие».

Но едва поморские суда вышли в море, как встретили конкуренцию со стороны английских компаний, в частности в лове китов у Шпицбергена и Новой Земли. С первых же лет деятельности компания работала со значительным убытком. К тому же в 1805—1809 гг. удар ей нанесла война России с Францией, когда в северных морях прекратилось свободное плавание судов. В 1809 г. французский фрегат сжег только что спущенный на воду трехмачтовый китобойный корабль. Неправильный урон компания понесла от нападения английских кораблей в 1809—1810 гг. на ее Кольскую стоянку,

Она по-прежнему занималась рыбными и зверобойными промыслами, производством канатов, солеварением, мукомольным и маслобойным промыслами в Холмогорах и на Мезени. Основной капитал компании составлял 1,5 млн. рублей. В 60-е годы она располагала десятью судами, построенными на Архангельской судовой верфи. Но из-за крушения судов и неудач в коммерческих операциях дела компании пошатнулись, и в начале 70-х годов она перестала существовать.

Бесславно завершилась и деятельность созданной в 1840 г. Печорской компании по вывозу леса, хотя последние годы ее возглавлял М. К. Сидоров, известный «ревнитель Севера». Иностранцы владельцы заводов в России сыграли главную роль в неудачной деятельности Печорской компании.

Экономические позиции прибрежных городов, в том числе и Мезени, захватили иностранные фирмы, действовавшие от имени русских торговых домов В. Брандта и сыновей, Роде, Фанбрина, Моргана, Дербекера. Падение на взятки царские чиновники передали иностранным фирмам все командные позиции в лесном и рыбных промыслах. Они в штыки встречали и подавляли всякую русскую инициативу.

О влиянии иностранных фирм на развитие русского судостроения и мореходства П. Богославский писал в 1861 г.: «С переменою обстоятельств, когда участие русских купцов во внешней торговле мало-помалу начало ослабевать и торговля стала переходить в тароватые руки «разумных иноземцев», судостроение, бывшее всегда исключительно русским, с 1815 года пришло также к упадку, и впоследствии, около 1831 года почти совсем прекратилось». В 1813 г., по подсчетам того же П. Богославского, в Поморье насчитывалось 300 морских судов, а к концу 30-х годов деревянное судостроение совершенно прекратилось.

Царское правительство не пошло и на техническое

перевооружение торгово-промыслового флота. В условиях конкуренции с более совершенными паровыми судами иностранцев население Поморья прекратило свои походы на арктические острова и занялось перевозкой хлеба к норвежским берегам, куда в летние месяцы стекалась масса иностранных промышленников. В то же время в поморские города стала усиленно ввозиться норвежская рыба. В 1845 г. на 114 судах было доставлено 136 тыс. пудов соленой и сушеной рыбы. В 1850 г. из Архангельска за границу ушло 122 русских судна, из которых 112 было с хлебом, а из 122 судов, прибывших в Архангельск, 106 доставили норвежскую рыбу.

Можно смело говорить о резком экономическом отставании Европейского Севера во второй половине XIX в. от многих других районов страны. Это подтвердила образованная в 1881 г. при архангельском губернаторе «Комиссия о нуждах Севера», которая констатировала, что «земледелие и хозяйство Архангельской губернии стоит на самой низкой ступени развития. Наиболее доступные богатства края эксплуатируются лишь иностранцами и местными богатеями. Ввиду полного бездорожья уезды разобщены не только между собою, но и с центром губернии». Комиссия разработала 43 проекта мероприятий для «воскрешения» Севера, а в качестве важнейшей меры выдвигалось «наделение крестьян казенной землей, из числа многих миллионов (десятин) пустопорожних земель Архангельской губернии»¹.

Дело дошло до того, что населению Севера не хватало своего хлеба. Его пришлось ввозить в количестве от 2-х до 3-х миллионов пудов из Поволжья и Сибири.

Важнейшей отраслью хозяйства Архангельской губернии оставалась охота. В 1895 г. охотничий промыс-

¹ П и н х е н с о н Д. М. Проблемы Северного морского пути в эпоху капитализма Л, «Морской транспорт», 1962.

лом занималось 8367 человек. По количеству добываемой пушнины Европейский Север, как и прежде, занимал, вслед за Сибирью, второе место. Стало товарным видом добывание дичи.

Хотя капиталистические отношения на Севере вызревали медленно, все же капитализм брал свое.

В послереформенной экономике Севера ведущей отраслью промышленности являлось лесопиление; собственно, это была единственная отрасль фабрично-заводского производства. Лес перевозился по рекам. Перевозка стоила дешево, дешевой была и рабочая сила. Этим немедленно воспользовались иностранные и русские предприниматели. Для эксплуатации лесов Русского Севера в Швеции была организована специальная компания «Печора». К лесному делу потянулись и другие иностранные фирмы.

Слабыми темпами развивались традиционные отрасли промышленного производства. Это кожевенная и замшевая промышленность Мезени и Пустозерска, канатные, водочные и пивоваренные, маслоделательные предприятия в Холмогорах и Архангельске. В конце XIX в. в сельском хозяйстве замечен рост таких отраслей, как молочное животноводство, скотоводство, льноводство. Продукция их доставлялась на московский и петербургский рынки через посредников.

Приведем некоторые данные об уездном городе Мезени конца XIX — начала XX в. Здесь было два училища: приходское двухклассное и одноклассное, одна церковноприходская школа, 17 деревянных лавок и 5 деревянных церквей. В городе появился единственный каменный дом. Увеличилось число нежилых зданий: их насчитывалось 154.

В числе хозяйственных построек отмечена одна мукомольная мельница, 3 слесарно-кузнечных заведения, кирпичный завод с оборотом 758 рублей. Мужское население по социальному положению распределялось

так: 55 дворян, 15 купцов, 595 мещан, 137 крестьян, 94 ремесленника.

Население занималось главным образом скотоводством и рыболовством, а также морским промыслом.

Из всех промышленных отраслей наибольшее развитие получило кожевенное дело: в городе насчитывалось 27 кожевенных «заводов» при 35 рабочих. Общая сумма произведенной этими «заводами» продукции составляла 2880 рублей в год. Уступая моде, в городе построили 2 лесопильных завода со 155 рабочими.

Развивалось и смоляное дело: в городе насчитывалось 11 смолодельных «заводов». Составитель статьи «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, где приведены эти данные, знаменитый русский географ и океанолог Ю. М. Шокальский отметил, что городское население ведет морскую торговлю, но она незначительна, так как стоянка для приема судов в устье реки Мезени неудобна из-за приливно-отливных течений.

По-прежнему процветали народные промыслы. К примеру, морским охотничьим промыслом занималось 2956 жителей уезда, а лесным звериным промыслом — 934 человека.

Приведенные в энциклопедии данные взяты Ю. М. Шокальским из Отчета Архангельского губернского комитета. В целом они показывают, что, во-первых, капиталистическая Мезень не смогла поднять свое хозяйство до общероссийского уровня, располагая лишь несколькими десятками мелких кустарных мастерских, названных в энциклопедии заводами; во-вторых, по сравнению с серединой XIX в. в городе и уезде все же наблюдался некоторый рост промышленного производства; в третьих, увеличился объем традиционных народных рыбных и зверобойных промыслов. Город на берегу Ледовитого океана оставался верен себе, своему призванию.

В период капитализма и империализма из купеческо-капиталистической верхушки города выделились еще более крупные торговые и промышленные воротилы. На самом вершине мы видим фамилии потомков тех людей, которые в XVII—XVIII вв. были черносотными крестьянами или промышленниками — зверобоями и рыболовами; они возглавили городское управление, имели доходные предприятия. Это были Ружниковы, Личутины, Коткины, Калинины, Фокины. В 1886 г. во главе города стоял Иван Ружников, купец II гильдии, он же председатель городского управления, а его прапрадед в XVII в. еще был черносотным крестьянином, ходил в Мангазею и на Лену в артелях промышленников и звероловов.

Бесправное положение крестьян усугублялось гнетом иностранных поморских компаний и фирм.

Для развития экономики края необходимо было решать транспортную проблему. К востоку и западу от Архангельска по Белому и Баренцеву морям совершались пароходные рейсы. Они обслуживали казенные нужды и только отчасти выполняли срочные перевозки пассажиров. Морские и речные пути нуждались в улучшении навигационной службы: в устьевых участках и на побережье рек отсутствовали постоянные маяки. На побережье Белого моря в 1860 г. их насчитывалось 4, в 1870 г. — 7, а в 1900 г. — 18. Только в 1873 г. на южной оконечности острова Мудьюг были построены первые осветительные створные башни. Но надо отметить, что именно в эти годы несколько вырос паровой флот, хотя тоннаж его составлял всего 149,2 тысячи тонн. В 1900 г. единственной транспортной организацией на побережье было «Товарищество Архангельско-Мурманского пароходства», обладавшее двенадцатью пароходами. Они курсировали также и между Архангельском и Мезенью, хотя довольно нерегулярно. Значительно лучше обстояло дело с вывозом леса из

портов и пунктов, расположенных на побережье. В 1900 г. в Архангельск прибыло 354 торговых судна, из них только 55 русских. Такая картина говорила явно не в пользу русского северного коммерческого судоходства.

Вместе с Академией наук

Капиталистическое развитие России по-новому поставило вопрос об изучении и использовании естественных богатств Севера.

Научными исследованиями были охвачены и далекие северные районы.

В 1896 г. промышленник из Мезени Василий Иглин вместе со своим товарищем Николаем Петровым был приглашен в экспедицию академика В. В. Голицына на Новую Землю. Трудолюбивые, выносливые, они к тому же отлично знали местность в районе Кармакул. Одну из рек в Кармакулах Голицын назвал в честь Иглина.

В 1889 г. для исследования геологии Тиманского края на Мезень и Печору прибыл известный геолог и палеонтолог академик Феодосий Николаевич Чернышев. В его задачу входило составление новой точной карты Тимана, потому что ранее существовавшие, по мнению ученого, «оказались весьма отдаленного сходства с действительностью».

С Чернышевым на Мезень приехал его петербургский товарищ, вскоре ставший директором Пулковской обсерватории и академиком, Оскар Андреевич Баклунд. В задачу Баклунда входило определение астрономических пунктов на Мезени, Усть-Цильме и в других местах Печорского края. В своих работах ученый использовал карту «Части Тиманского края», составленную Павлом Ивановичем Крузенштерном в 50-х годах.

Баклунд привлек к своим работам «Распросную карту» Мезенского лесничества, составленную местным лесничим Д. З. Трофименко. Было определено 25 астрономических пунктов, на основе которых завершились картографические работы по Мезенско-Печорскому району.

Большую помощь, особенно во время геомагнитных съемок и геологических разведок, экспедиция Чернышева получала от местного населения. Достаточно сказать, что бурение почвы производилось ручным буром, это требовало больших физических усилий от работников. Но зато результаты предварительного бурения оказались очень интересными. Академик подтвердил все предыдущие сведения о находках нефти в бассейне реки Ухты и высказал предположение о том, что этот район в будущем станет нефтеносным, если в дело будут вложены соответствующие средства. Он был прав. В годы Советской власти, по указанию В. И. Ленина, на Ухте были проведены крупные научные исследования на нефть, а затем он стал одним из ведущих нефтеносных районов Севера.

Экспедиция академика Ф. Н. Чернышева подтвердила высказанные еще в XVI—XVII вв. предположения, бытовавшие в Мезенском уезде, о наличии таких ценных природных богатств, как медь и серебро. Ученые провели первичную разведку по рекам Косые, Суле и Цильме и обнаружили признаки медного оруднения.

Мезенцы впервые участвовали в большой академической экспедиции. Их участие оказалось весьма полезным в изучении природных богатств родного края.

В 1892 г. Тиманский район привлек ученых — биологов и этнографов. В Канинскую тундру приехал известный русский географ, почвовед и ботаник Гаврила Иванович Танфильев. При участии и помощи местного населения он собрал обстоятельные материалы о тяже-

лых условиях жизни ненцев, исследовал олени пастбища.

Особенно заметную роль сыграли мезенцы в экспедиции Академии наук, которая, совместно с Академией наук Швеции, в конце XIX — начале XX в. провела градусное измерение на Шпицбергене. В сложном горном районе центрального Шпицбергена было совершено с участием шести жителей Мезени невероятно трудное и опасное восхождение на ледниковую гору Гевальд. На вершине ее был укреплен геодезический сигнал, позволивший соединить все градусные точки в единую сеть. Это дало возможность успешно завершить вычисление всей триангуляционной сети и определить величину сжатия земли, величину большой полуоси (6378266 метров).

Восхождение было совершено под руководством астронома Пулковской обсерватории А. С. Васильева. В его группу вошли мезенцы Рогачев, Олупкин, Минкин, Ханзин, Новохатский и Груздев. Они же обеспечили и собачьи упряжки.

Подъем на гору Гевальда начался 1 июля 1901 г. с ледника Негри, от залива Жиневра, куда ученых доставил ледокол «Ермак», совершавший испытательные рейсы.

В снаряжении группы был тяжелый астрономический инструмент. Сначала партия шла по морене в расчете, что там встретится меньше бугров. Но путь оказался трудным: ледяная поверхность представляла игольчатый панцирь. Собакам кололо лапы, позади них оставался кровавый след.

В отчете «На Шпицбергене и по Шпицбергену во время градусного измерения» Васильев рассказывал: «Труднее всего было Минкину, который один шел в возу, я помогал ему изредка, так как уходил вперед на разведку дороги». «Хорошие работники поморы! Силы их, по-видимому, огромны!» — восклицает он.

Достигли полой морены. Началась переправа. Препятствий намного прибавилось: хотя местность была ровная, но стали встречаться камни, вмёрзшие в лед. Они цеплялись за полозья, затрудняли движение. «Путешествие к Гевальду было труднейшим из всех моих путешествий...» — замечает Васильев.

Им встретилось совершенно топкое поле. «Шли по пояс в мокром снегу или выше колен в воде и в снежном сиропе». А дальше шла еще более трудная и опасная местность — лед был покрыт широкими и глубокими трещинами. Пришлось переползать по ненадежным снеговому мостам. Здесь помогли сделанные еще в Петербурге по проекту Васильева сани с длинными полозьями. Но после того, как одна из собак свалилась в пропасть, а другие инстинктивно отказывались идти дальше, было решено оставить их с Груздевым, а остальным пробиваться к вершине пешком. Но как это сделать? Помогла практическая сметка Михаила Рогачева. Он запасал палки-вехи (ими отмечалась дорога среди лабиринта оврагов), готовил веревки, чтобы спуститься с гребня на дно оврага или вытаскивать кого-то, если человек упадет в трещину, вырубал топором ступени восхождения.

Васильев писал в отчете, что его партия представляла живописное зрелище: это была группа отчаянно смелых людей; за поясом одного — зрительная труба, другие несли ломы, молоты, палки. Двигались кучно, поддерживая друг друга. И, наконец, вершина достигнута! Это случилось 11 июля 1901 года в среду в 1 час. 05 минут утра.

Дело было сделано. В заключение измерили данные анероида. Группа А. С. Васильева с учетом ледника Негри поднялась на высоту 1717 метров.

Даже современные скалолазы могут позавидовать людям, совершившим небывалое восхождение на лед-

ники в трудных и опасных условиях. Кстати, так высоко в горах Шпицбергена еще никто не поднимался.

Когда рассеялся туман, перед альпинистами открылась захватывающая картина. А. С. Васильев описал ее так: «Вид с горы Гевальда великолепен. Я был на всех сигналах русской шпицбергенской сети, кроме Валэс-Поэнт и Агард, без колебаний утверждаю, что по великолепию и разнообразию картины вид Гевальда превосходит все другие... всю область между этими местами и горою Чернышева я назвал «Русская Ледяная Земля». Вблизи нее на западе видны трещины ледника Зонклара, через который мы прошли... На нем борются стихии: сила сцепления с силой тяжести. Лед разорван в клочья. Где не может одолеть тяжесть, там помогает тающая вода.

Окончивши сигнал, я и рабочие стояли и удивлялись, как это мы прошли по этим ледяным обломкам и клочьям. Чудно становится, что мы прошли по этому изрытому ледяному полю! И все-таки прошли!

На севере и северо-западе видны горы Ньютона, Хиденей, Чернышев, Тумб, Штайгаузер... На юге расстилается Стурфиорд и самое красивое место — залив Жиневра, под нашими ногами, тихий, спокойный, уже освободившийся ото льда. С вершины горы я снял фотографию (отличную, опубликованную в отчете. — М. Б.), определил магнитные румбы, батиметрическую высоту. На подъем на гору ушло 3—4 дня».

По окончании похода на Гевальд Васильев и его товарищи 14 августа снова были в пути — они поднялись на гору Чернышева высотой 1208 метров.

С неподдельной гордостью и благодарностью записал в своем отчете А. С. Васильев: «В шпицбергенском труде — в экспедиции и проработке — соединилось многое... Особенно я благодарен тем, кто трудился вместе со мной на Шпицбергене и после Шпицбергена... Особенно я благодарен простым русским лю-

дям, выдержавшим ради чести Родины громадные напряжения».

«Они, — заключил свой отчет А. С. Васильев, — поступили согласно заветам князя Святослава: «Ляжем костями, но не посрадим Земли Русской!»...»

В 80-е годы XIX столетия Россия возобновила свои исследования на Новой Земле. Надо было изучить возможности организации постоянных поселений на гигантском северном архипелаге.

Это вызывалось национальной необходимостью закрепить за Россией новоземельский архипелаг, так как со стороны иностранцев делались неоднократные попытки овладеть стратегически важными ее пунктами.

Первую экспедицию с зимовкой на Новой Земле в 1878—1879 гг. провел гидрограф Е. А. Тягин. Экспедиция базировалась у залива Малые Кармакулы.

Эксперимент выживания или работы в зимних условиях прошел успешно. 42 зимовщика, среди которых находились мезенцы и канинские ненцы, чувствовали себя хорошо, исследовательская работа спорилась. Сам Тягин вместе с ненцами предпринял путешествие, пытаясь пересечь с запада на восток весь южный остров.

В 1896 г. Академия наук снарядила на Новую Землю экспедицию по наблюдению солнечного затмения. Ее возглавил директор Пулковской обсерватории академик О. А. Баклунд. Экспедиционная база располагалась опять же в Малых Кармакулах. В группу поморов входило двое мезенцев — упоминавшийся Василий Иглин и Николай Петров, а также ненцы Прокопий и Константин Вылка. По словам сотрудников Академии наук, они оказывали им серьезную помощь в любой работе, особенно в десятидневной экскурсии в глубь острова, когда проводились магнитные съемки, а также сбор зоопланктона.

Роль коренных жителей Мезени в научных экспедициях второй половины XIX — начале XX столетия еще только изучается. Перед краоведами лежит непочатый край работы — архивные и литературные источники. Исследование их откроет страницы увлекательной истории о людях, которые с незапамятных времен поселились на берегах моря Студеного.

А. Н. МЕЛЬНИКОВ

ССЫЛКА

ЦАРСКОЕ правительство не могло найти лучшего применения северной окраине с ее огромными природными богатствами, как превратить ее в место ссылки для своих политических противников.

Особенно большие размеры приняла политическая ссылка на Север в период развития революционного движения в России — в конце XIX — начале XX в.

В 1886 г. царское правительство сослало в глушь Архангельской губернии опасного «политического преступника», руководителя морозовской стачки П. А. Моисеенко.

Вскоре по прибытии в Мезень П. А. Моисеенко сближается с высланным туда студентом А. С. Поповым — будущим пролетарским писателем Серафимовичем.

Готовясь к новым классовым боям, политические ссылки не прекращали революционной работы, вели пропагандистскую деятельность среди населения.

Душой всех политических ссыльных в Мезени был В. А. Шелгунов, член ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В. А. Шелгунов работал механиком на лесопильном заводе братьев Ружниковых. Вместе со своими товарищами по ссылке К. М. Норинским и К. Ф. Бойе ему удалось создать на заводе революционный кружок и обеспечить его нелегальной литературой. Из донесений исправника видно, что Шелгунов часто менял квартиру («следить за ним

трудно»), постоянно ездит с завода в город. Хотя царские ищейки «не спускают глаз с политиков», выследить им ничего не удалось — конспирация была замечательной.

Учили рабочих политической борьбе ссыльные В. Язвицкий, В. Кузнецов (Северный), С. Коптиевский и другие. Они проводили с рабочими беседы, организовывали маевки и митинги, читали лекции, проводили культурно-воспитательную работу. В этом им помогала мезенская интеллигенция.

Политическая работа ссыльных среди местного населения вскоре дала свои плоды. По инициативе кадровых рабочих в апреле 1906 г. было организовано Мезенское отделение профессионального союза архангельских лесопильных заводов.

Члены профсоюза смелее начали требовать у администрации заводов улучшения условий жизни и труда. Многие из них впоследствии стали активными борцами за рабочее дело.

Вот что писал об этом времени рабочий лесозавода № 48 коммунист Илья Андреевич Базарев:

«Первые революционные маевки в Мезенском районе, и в частности на лесозаводе Ружникова, начались с революции 1905 года под видом пикников. Небольшие группы рабочих, в большинстве мастеровые — слесари, кочегары и другие — собирались по речке Каменке и за Лукиным ручьем. А там политссыльные Кузнецов, Язвицкий и другие разъясняли нам те требования, которые предъявляют рабочие во время первомайских демонстраций. Эти группы рабочих собирались скрытно от полиции и хозяев завода. Наши группы собирались не только в день 1 Мая — собирались периодически и понемногу завоевывали на свою сторону рабочих».

В 1906—1907 гг. по Архангельской губернии прокатилась волна стачек и забастовок. Борьба рабочих за-

вода братьев Ружниковых отличалась стойкостью и упорством. Сломить сопротивление бастующих не удалось, и хозяева пошли на уступки: сократили рабочий день, повысили заработную плату.

После поражения первой русской революции 1905—1907 гг. наступили тяжелые времена в жизни партии и народа. В годы разгула реакции Мезень стала местом, куда жандармы заключали особо опасных «политических преступников».

С 1907 г. в мезенской ссылке находились И. Ф. Арманд, К. Е. Ворошилов, И. Ф. Попов (после удачного побега из Мезени И. Ф. Попов по адресу, полученному от Инессы Арманд, познакомился за границей с Н. К. Крупской и В. И. Лениным. Он известен многим как автор книг «На исходе ночи», «Один день с В. И. Лениным», «Семья Ульяновых» и др.).

За Инессой Арманд, известной революционеркой, активной деятельницей международного рабочего движения, был установлен строжайший полицейский надзор. Архангельский губернатор шлет мезенскому исправнику предписание за предписанием: «...поблажек не давать...», усилить «...за ней контроль со стороны местных властей» и т. д.

В одном из писем к своим друзьям Инесса Федоровна пишет, что «...создали здесь организацию социал-демократическую. Хотим также издавать листок социал-демократический». Однако жизнь в мезенской ссылке не удовлетворяла Арманд, она стремилась в гущу революционной борьбы. И вот продуман и осуществлен дерзкий план побега прямо из Мезени. Это было осенью 1908 г. После побега И. Ф. Арманд выезжает за границу и работает с Н. К. Крупской и В. И. Лениным.

За революционную деятельность ссылается в Мезень К. Е. Ворошилов. Он проживал в доме Олупкиных, а затем был переведен в Долгощелье, где проживал в доме Нечаевых.

В ссылке К. Е. Ворошилов был тесно связан с местным населением и проводил большую революционную работу. Вот донесение мезенского уездного исправника прокурору Архангельского окружного суда от 12 апреля 1912 г.:

«При обыске квартиры политссыльного Кислицина конфискован проект устава Устьвашской колонии, написанный рукой Климента Ворошилова»¹.

Вместе с К. Е. Ворошиловым отбывала политссылку в Мезени А. В. Храмченкова, которая стала женой политссыльного поляка Адама Гузиковского. А. В. Храмченкова-Гузиковская — участница трех революций. В 1940 г. участник Сопротивления А. Гузиковский был расстрелян фашистами. А. В. Гузиковская под кличкой Клима ушла в подполье и всю войну боролась с фашизмом. В своих письмах к юным мезенским краеведам она многое рассказала о мезенской ссылке, о К. Е. Ворошилове. Прислала фотографии г. Мезени 1908 г., отметив дом, где жил К. Е. Ворошилов.

Пропаганда марксизма, которую вели политссылные среди населения, поддерживала боевой дух в рабочих и крестьянах в годы реакции.

Росло классовое самосознание трудящихся масс, и в холодной мгле, окутавшей старую Россию, уже брезжил Октябрьский рассвет...

Юрий ШНИТНИКОВ
КАРБАС ПОМОРА

ДАВНО отшумел на северных ветрах могучий лиственничный бор над мутным и хмурым Кулоем, которому достались глинистые берега. Не раз пришлось точить топоры мужикам, обжившим долгую щелью — крутой обрывистый берег, чтобы свалить пять этих гигантских стволов в полтора обхвата каждый. «Не дерево — мрамор зеленый», — ворчали плотники, но все же одолели смоленую лиственницу.

Не пропал мужицкий труд: третий век стоит на тех стволах посреди села Долгощелье старуха-колокольня, пережив все деревенские строения. Лет десять назад был тревожный момент: подмыли берег кулойские волны, добрались до сруба колокольни, в каждый прилив грозя опрокинуть древнее сооружение. Упади колокольня — не простили бы себе мужики этой утраты, потеряло бы село свою выразительную архитектурную примету, какой нет ни у одной деревни в округе. Но беды не случилось. Собрались колхозные мастера в один из отливов и укрепили сруб колокольни каменным поясом, продлив ее долгий век.

Глянешь с колокольни в обе стороны — километра два берега уже заняло село над Кулоем. В пять строгих порядков, тесно стоят дома, словно соблюдая закон единения поморов, помогающий им выдюжить в борьбе с невзгодами северной природы. Но вот уже и

шестой деревенский ряд засветлел свежеотесанным бревнами жилых домов. А за ним стремительным лучом под углом к деревне пересекла ближнее болото дорога-лежневка к новой электростанции, здание которой выросло у самого леса, давшего жизнь этому селению.

Куда ни кинешь взгляд, все рукотворное вокруг сработано из дерева, этого выдержавшего испытание временем природного материала, который даже в мороз чудесным образом излучает тепло и чутко реагирует на оттенки дневного света. Удивительно велика роль дерева в жизни северных селений, где до сих пор нет каменных домов, мощеных дорог, металлических мостов, пластмассовых катеров. Под ногами — упругие, гулкие мосточки, тяжелый настил моста через ручей, стертые ступени крутых лестниц, ведущих с берега к воде. По сторонам — дробный частокол штакетника, а за ним — угрюмые, почерневшие от времени бревенчатые крепости-избы, за стенами которых могут зимовать и люди, и скот.

Окна поморских домов не обрамлены затейливыми наличниками, по скатам крыш не бегут кружева подзоров, а с концов кровли не свисают деревянные резные «полотенца». Эти и другие декоративные украшения крестьянских жилищ, которые можно встретить в земледельческих районах по Северной Двине или на Пинежье, здесь, у самого Белого моря, словно ветром сдуло.

Строгая череда промысловых путин оставляла поморам слишком мало времени для домашнего творчества, а потому все в их жизни: и жилье, и орудия труда, и предметы быта — отмечено прежде всего прочностью, добротностью, практичностью. Стены дома должны надежно хранить тепло, баня должна быть жаркой, чан для засолки рыбы — крепким, а карбас — ходким и устойчивым на воде. И уж если выдался сво-

бодный день или час, помор скорее всего возьмет в руки топор, чтобы сладить для хозяйства новую вещь, чем нож или резец, чтобы украсить резьбой старую.

Наиболее выразительное воплощение столь суровая простота творческих принципов нашла в старинном поморском ремесле изготовления карбасов. С высоты долгощельской колокольни весь деревенский флот виден как на ладони: в час отлива десятки широкоскулых карбасов, словно птицы с перебитым крылом, обсыхают на вязком речном дне, беспомощно опрокинувшись на один борт. Зато с приходом полной воды флотилия преобразается: дождавшись желанной глубины под днищем, поморские лодки теперь высоко седлают кулойскую волну, туго натягивают якорные тросы, удерживающие их в неволе. Вряд ли есть в селе хозяин, который не имел бы под берегом собственной «посудины». Сколько домов, столько и лодок, да еще на общем рейде — колхозные карбаса.

Глаз незнакомца заметит разве что разницу в размерах поморских судов. Деревенский мальчишка назовет владельца той или иной лодки. А для самого владельца важно имя строителя карбаса, потому что каждый карбас — это именная, разовая работа, в которую вложено личное мастерство автора, его знание мореходного и судостроительного дела. В Долгощелье, нынешней корабельной столице мезенского Поморья, сегодня чаще других среди имен знаменитых мастеров называют Ивана Яковлевича Прялухина, дом которого стоит на высоком береговом угоре сразу за колокольней.

Годы и недуги слегка иссушили крепкую фигуру старика, замедлили его движения. Но волевые черты лица, широкие плечи, крепкие руки и теперь выдают в нем человека большой физической силы. «Первым косарем был в деревне. Быка мог свалить», — говорят о нем односельчане. И с подчеркнутой теплотой добавляют: «Золотые руки у Ивана Яковлевича».

Плотницкое мастерство, особенно в судостроении, на берегах Белого моря издавна пользовалось у людей особым признанием. Прекрасный знаток среды архангельских мореходов и корабелов прошлого писатель Борис Викторович Шергин в своей книге «Запечатленная слава» вспоминает: «Если у мастера рука легкая и он строит корабли, какие море любят, походливые и поворотливые, такого строителя заказчики боем отбивали, отымом отнимали; ежели занят, то, словом заручившись, по три года ждали». Ушло то время, когда на верфях беломорских селений строились из дерева большие палубные лоды и кочи, елы и шняки, их заменили металлические заводские сейнеры и траулеры,

буксиры и теплоходы. Но остался в хозяйственном обиходе поморов неприхотливый карбас — легкое и маневренное парусно-гребное судно древнерусского образца, пережившее в веках все другие типы судов.

Если рыбу да зверя с моря добывать, сено по лугам заготавливать — обязательные поморские занятия, то строительство карбасов — дело добровольное. Не умеешь, не желаешь строить сам — закажи лодку мастеру. В каждом селе такие умельцы известны.

В Долгощелье много лет, еще с довоенных времен, славу первого карбасника держал Филипп Григорьевич Федоровский. Сколько понашил-понастроил он этих судов, никто теперь в деревне и не упомнит. Но самые требовательные заказы и колхоз, и мужики делали именно ему. Однажды Филипп Григорьевич получил заказ на два карбаса от колхоза. Работа была спешная, и пригласил старый мастер к себе в напарники мужика, который тогда чаще других при его деле бывал и больше других выспрашивал. Уже и десятки разных путин прошел тот сорокасемилетний ученик, и лодки сам делал, а вот как настоящий морской карбас строить — только глазами видел. Как и надеялся Федоровский, совместная работа удалась. Учеником был Иван Яковлевич Прялухин.

Когда состарился учитель, новый мастер уже вошел в силу, и слава первого карбасника в селе постепенно перешла к Прялухину. Около сорока поморских судов построил самостоятельно Иван Яковлевич. В этой флотилии есть и «посудинки» на тонну-две для лова сельди, есть и многотонные грузовые карбасы для хозяйственных походов в Мезень.

Обычная прогулочная лодка, которую можно получить на городской прокатной станции, рассчитана на четверых. Один из карбасов Прялухина, если пренебречь удобствами, может принять до ста человек. Целый экипаж большого морозильного траулера! Этот

девятитонный карбас не предназначен для перевозки людей; но под стог сена, артельный улов белуги, которую до недавнего прошлого промышляли поморы, лучшего транспорта не придумаешь. Делал его Иван Яковлевич не один, в самые ответственные моменты жену и дочь звал на помощь. Но большинство заказов мастер выполнил в одиночку.

Поморский строитель — не городской, ему в судне не столько красота и быстроходность нужны, сколько крепость и устойчивость на морской волне, неприхотливость к беломорским приливам-отливам, которые дважды в день бьют его о жестокое дно. Северный карбас имеет и еще одну особенность: он годен к волоку. Такое качество в его конструкцию заложили еще новгородцы, кочевавшие волочными путями на Север по рекам и озерам. Не страшно карбасу и плавание в весенних ледовых разводьях: при сжатии льды просто вытолкнут судно, как яйцо, на свою поверхность. И в этом случае, если перед выходом в ледовое плавание на днище набить полозья, карбас легко превращался в сани.

Прочность судну придают матица (киль) и опругитшвени, для которых мастер выбирает крепкую, частослойную еловую древесину без синевы и заболони (ближайшего слоя к коре дерева). Иван Яковлевич утверждает, что самая сложная часть работы — найти нужные лесины:

— Осенью не один десяток километров по лесу излазишь, пока нужные коренья найдешь. Бывает, ни с чем вернешься, а то с синевой корабельщику привезешь. А иногда и под носом, за деревней растет твоя кривулина.

Затем на хребет наживляются корабельные ребрашпангоуты. Беть — поперечный брус — нужный развал карбасу дает. Чем подбористее, тем судно ходче будет. А уж на кости кладется набой — доски одна на другую

внакрой, а не в стык, как при строительстве судов других типов. Многие мастера считают: чтобы обшивка льнула к шпангоутам, доски надо парить.

Прялухин с этим не соглашается:

— Вот в Койде парят, их карбаса пуще и высыхают. Мы не парим, зато никогда и не пекварим. Опять же наше судно дольше живет.

Рубанки, топоры, стамески, молотки — таков нехитрый инструмент карбасника, который принимается за дело зимой, когда схлынут летние заботы. К весне, словно женихи, выстраиваются на прялухинском угоре два-три оструганных, проконопаченных и просмоленных карбаса в ожидании, пока вскрыется река-невеста. Спустит их строитель на воду, и начнется у них жизнь-испытание на морских и речных дорогах, служба поморским промыслам.

196

Живуч и надежен этот тип судна. Долгощельские старики из рассказов своих отцов помнят, что именно карбасами устраивали из села побеги через море на Мурманский берег политическим ссыльным в начале века. Было штормовое морское плавание на карбасе и у самого Прялухина. Остался он как-то после зимней наважьей путины на Канине на весну артельные рюжи сушить. Срок уже вышел, а транспорта за ним все не было. И пустился тогда помор с попутным ветром домой морем бежать. Наладил на карбасе мачту, парусом мешковину приспособил. Десять дней мотало суденышко до родных берегов. Но и мореплаватель выдержал, и карбас не сдал, и те раскрытые мешки старый рыбак уже почти сорок лет добрым словом поминает: «На плотной парусине не дошел бы — под ветром опрокинулся бы карбас».

Пожалуй, наиболее серьезному испытанию поморский карбас подвергнул в наши дни бывший архангельский зверобой, уроженец Долгощелья Дмитрий Андреевич Буторин. Многим, вероятно, памятен его поход в конце шестидесятых годов в Мангазею и дальше в Арктику — на Диксон до Тикси через пролив Вилькицкого, еще в начале века считавшийся непроходимым для любого судна. Среди льдов шел Буторин, впереди

197

ледоколов, открывая на всем пути арктическую навигацию. Да при этом еще одолел древним волоком полуостров Ямал.

Но не только ранние сроки плавания и необычный маршрут вызвали тогда всеобщее удивление. Даже опытные ледовые капитаны оказывались обескураженными при встрече с невзрачной «посудиной», которой управлял Буторин. «Я бы не рискнул на ней выйти в море», — дружно говорили и все коренные жители северного побережья.

И их можно было понять. Каково встретить во льдах лодку шести с половиной метров длиной с каютой из брезента, парусами из обычного кумача и мотором

мощностью всего в двенадцать лошадиных сил?! Да и в своем ли уме капитан, путешествующий по Арктике в домашних тапочках на босу ногу?! Но Буторин действовал всерьез. Для плавания он выбрал хотя и старенький, но вполне добротной постройки поморский карбас, который отслужил свое белужьему промыслу. Дмитрий Андреевич подновил его, приспособил корму под мотор, поставил мачту, поднял государственный флаг, завел судовой журнал и дал имя судну — «Щелья». А ногам попросту было жарко от выхлопной струи мотора-печки.

Благополучно преодолев четыре тысячи километров в арктических широтах, Буторин опытным путем подтвердил, что поморский карбас — это тот самый тип судна, которым пользовались в своих ледовых плаваниях северные мореплаватели прошлых веков. После походов на «Щелья» Дмитрий Андреевич сделал и такой вывод: надо бы подумать и изменить форму карбаса, подогнать ее под хождение на моторе. Ведь под парусом-то поморы уже лет двадцать пять в море не выходят.

Не сами по себе морские путешествия всегда влекли из дома Дмитрия Андреевича Буторина. Он верил в плавания именно на поморском карбасе, который воплощал в себе многовековой опыт северных мореходов и корабелов и судьба которого его глубоко занимала. Однажды его настойчиво приглашала в капитаны группа сибиряков, затевавших довольно серьезное плавание по Енисею. «А на чем пойдете?» — запросил из Архангельска старый полярник. И сибиряки рассказали ему о современном, прекрасно оснащенном судне. «Если бы на старинной «посудине»... А современные суда — не мое дело», — отказался Буторин от плавания, которое его интересовало.

Последний рейс на «Щелья» Дмитрий Андреевич совершил в августе 1969 года из Архангельска на свою

родину в Долгощелье. Это короткое по спокойному в такую пору Белому морю путешествие напоминало неторопливую прогулку, которая позволяла останавливаться возле любого поморского селения, беззаботно гостить у старых и новых знакомых, пережидать непогоду. Но и в этой ситуации неугомонный Буторин не удержался от соблазна еще раз испытать судьбу — и собственную, и своего карбаса. Ничто не гнало его в дорогу, когда перед последним переходом из Нижи в Долгощелье неожиданно испортилась погода и море разыгралось штормом силой в семь-восемь баллов. Ни один поморский карбас в этот день не вышел в море, даже колхозный сейнер сплавал по реке лишь до бурного устья Кулоя и вернулся обратно. Но Буторин завел мотор своей «Щельи».

Обычные грузовые моторные доры идут из Нижи в Долгощелье в хорошую погоду около трех часов. Но с долгощельской колокольни карбас Буторина не был замечен ни через пять, ни через семь, ни через девять часов. Телефонные разговоры между двумя селениями в тот день были полны тревоги: ведь для «Щельи» были опасны не только волны, которые могли разбить карбас, но и обширные отмели на пути — о них мог и не знать старый помор. Но Буторин все знал и все рассчитал. Он увел карбас от всяких случайностей далеко в море, а затем, когда вышел из строя мотор, он поднял те самые «символические» паруса, которые у многих вызывали улыбку. Ветер уперся в полотнища и прижал легкую «Щелью» к воде, мешая ей вздыматься на волнах. В кипящем устье Кулоя, обозначенном по отмелям белоснежной пеной, капитану осталось только переключать руль. Через одиннадцать часов после выхода из Нижи ракетным салютом известил Буторин родное Долгощелье о своем приходе.

Дмитрий Андреевич трудно расставался со «Щельей», которой он дал вторую жизнь и которая так слав-

по послужила ему. После похода в Мангазею к нему обратился директор одного из московских музеев с просьбой предоставить карбас в его распоряжение. «Нет, — ответил мореход. — Во-первых, «Щелья» еще «живая», а живых в музей не ставят. Карбас мне еще нужен. А во-вторых, если он и заслужил право быть экспонатом, то должен остаться на архангельской земле».

После второго арктического плавания стало ясно, что для серьезных походов «Щелья» больше не годится. И тогда Д. А. Буторин принял простое и справедливое решение: «Щелья» должна бросить якорь у его родных берегов. А новыми хозяевами карбаса пусть станут юные наследники поморской славы — школьники Долгощелья. С этой мыслью он и привел «Щелью» морем па Кулой, «угостив» ее на прощанье штормовым переходом. В торжественной обстановке, соблюдая строгие морские ритуалы, передавал старый мореход свой карбас школьному экипажу. На виду у всего села юные матросы под командой знаменитого капитана учились управлять судном, поднимать паруса, держать порядок на борту. А конец навигации «Щелья» встретила уже па высоком берегу в сквере возле школы, где стоит и сегодня, напоминая молодым северянам о далеких морских походах обыкновенного поморского карбаса, о мастерстве и мужестве их дедов и отцов.

С годами рассохлась на берегу «Щелья». Постарел и не выходит больше в море Д. А. Буторин, все реже берет в руки топор И. Я. Прялухин. Но не прерывается нить доброго поморского ремесла на беломорской земле, не убывает числом деревянный флот под долгощельским угором. Нынче обучились ладить карбасы Прялухины-сыновья — Яков и Федор. По несколько карбасов «высмотрели» у старого мастера Ф. П. Попов, Е. С. Широкий, А. Г. Попов. Но самое главное — стук плотницких топоров доносится теперь не только из лич-

ных дворов, но и из колхозной мастерской, от ворот которой дорога ведет мимо школьного палисадника со «Щельей».

Важное и принципиальное решение приняли несколько лет назад члены правления местного колхоза «Север»: сделать старинное ремесло одной из отраслей своего хозяйства, построить для колхозной верфи удобное и просторное здание. Конечно, тут нашлось место и для «столярки», где можно изготовить рамы и двери, раскроить и высушить доски. Но главное — у колхозных корабелов теперь есть законное рабочее место, их личный интерес к малому судостроению стал общей заботой.

Три года назад слава долгощельских карбасников привела в село необычного заказчика. Сотрудник Центральной лаборатории охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР Александр Николаевский

загорелся идеей построить настоящий карбас по старой поморской технологии — без гвоздей и заклепок. Все части судна должны быть не сбиты, не сколочены, а связаны между собой вицей — распаренным вересковым или можжевелевым корнем. Иначе говоря, карбас должен быть сшит. Дело это трудоемкое, кропотливое, но зато шитые суда служили раза в два дольше, чем скрепленные металлом, были прочнее и надежнее во многих отношениях.

На таком карбасе — не на моторе, а под парусами — Александр Николаевский задумал совершить плавание по древнему пути новгородцев, заселявших Север. На взгляд эколога, такой поход мог бы стать наглядной пропагандой бережного отношения к природе, ее водоемам, которые страдают от загрязнения моторным флотом. Многие поморские села объехал Николаевский в поисках мастера, взявшегося бы за шитье карбаса. Но всюду встречал отказы: забылось, мол, это дело.

Молва привела москвича к Ивану Яковлевичу Прялухину, который будто бы был знаком со старинным ремеслом. Старый помор порадовал гостя: шить лодки ему в свое время приходилось, и он мог бы попробовать еще раз. Но позволит ли здоровье?

Иван Яковлевич так до конца и не оправился от болезни, посокрушался, что не работник он теперь, и за столь серьезное дело не взялся. Николаевский пришел за помощью к председателю колхоза А. П. Нечаеву: неужели так и забудется, погибнет это старинное ремесло? И председатель собрал в своем кабинете совет долгощельских старожил и мастеров. Пришел и колхозный техник-строитель Геннадий Федорович Федоровский. Человек он мастеровой, отменный плотник и к тому же натура увлекающаяся. Он первый и не выдержал, заявив, что раз все оборачивается так серьезно и принципиально, то он готов сшить этот карбас. А как шьют лодки вицей, Геннадий запомнил с малых лет,

В поморских селах карбас — почти у каждого дома.

помогая в этом деле своему дядьке и учителю И. Я. Прялухина — Филиппу Григорьевичу Федоровскому.

На другой день, по горячим следам разговора, Геннадий Федоровский вместе с Николаевским отправился в лес поискать подходящие заросли можжевельника. А к весне председатель освободил плотника от всех колхозных дел, выделил ему в ученики и помощники старательного и работающего Алексея Николаевича Селиверстова и поручил выполнять заказ настойчивого москвича.

Не сразу заладилась работа на колхозной верфи. Выкопанные зимой из-под снега корни можжевельника утратили эластичность, быстро расщеплялись, ломались, и их пришлось выкинуть. Оказалось, что в дело годится вица, срезанная непременно в мае, когда корни наполняются живительными весенними соками. Уйма времени ушла на заготовку сотен коротких клиньев, ими мастера закрепляли в отверстиях распаренную «дратву». Пришлось придумать и простейшие приспособления, которые не требовались при обычном строительстве карбасов. Редкий человек проходил мимо мастерской, не заглянув к корабелам.

Как и старые мастера, Геннадий Федоровский не пользовался ни чертежами, ни шаблонами. Даже контуры пера будущего руля он вычерчивал карандашом на деревянной плахе на глазок и тут же вырубал линию топором. Работал плотник легко, уверенно, оставаясь и за этим, требующим внимания делом таким же веселым и острым на язык человеком, каким его знает вся деревня.

— Топоры у нас обычные, работа обыкновенная, — нараспев отвечал он любопытным односельчанам, пытавшимся отыскать хоть один гвоздь в развалистом, пахнущем свежей стружкой карбасе, зажатом в распорках. Но доски судна были стянуты лишь светлым

лесным корнем, который аккуратными нитями нырял в бесконечные отверстия и лежал в долбленных пазах.

А Геннадий, весело поглядывая на всю эту суету, точно рассчитанными взмахами топора тесал кривую руля, иногда отстранял деревянную плаху в сторону на вытянутую руку и как будто в чем-то сомневался. Классическая поза художника или скульптора, увлеченного работой. Мастер и в самом деле в эти минуты был похож на вдохновенного своим замыслом творца, каким и заявил о себе в веках северный плотник, который умел без чертежа, по таинственной формуле «как мера и красота скажет», достигать желанной гармонии и совершенства своего творения.

Живет среди поморских корабелов старая загадка:

Дочь леса красного,
Возраста досельного,
Много путем ходит,
А следа не родит.

Сказано про лодку, которая не оставляет на воде следа. Но нет, у каждой лодки есть автор, создатель со своим мастерством, талантом и фантазией. И настоящие мастера своими судами — большими и малыми — оставляют следы в людской памяти.

Прежде, в век деревянного флота, «кому корабельное дело было в примету, тот, и в морской дали шхуну усмотрев, не только, какого она берега, скажет, но и каким мастером сработана, назовет». Не прерывается сегодня эстафета учителей и учеников в карбасном ремесле на кулойских берегах. Живет в Долгощелье редкое и сложное умение и думать по-инженерному хорошо, и чувствовать дерево. Живет ремесло, живет карбас. «Много путем ходит» и след родит.

ИХ ПОДВИГ ОТЧИЗНА СЛАВИТ

В 1951 г. высшей награды Родины был удостоен главный врач Мезенской районной больницы Сергей Васильевич Макаров — человек, отдавший Мезени все свое сердце без остатка. Его большие организаторские способности, авторитет талантливого врача сделали в свое время Мезенскую больницу одной из самых лучших на Севере. В Мезени был построен целый лечебный городок, где использовались передовые методы лечения, современные приборы и аппараты для диагностики. Макарова глубоко уважали и любили жители района и Канинской тундры. Одна из улиц Мезени названа его именем

Татьяна ШЛЫК

КЛАДОВАЯ СОКРОВИЩ

МНОГО написано о Русском Севере. И где бы ни говорились слова восхищения удивительными творениями северян, Мезень всегда упоминается в числе первых. Так счастливо сложилась историческая судьба этого края, что стал он поистине заповедным. Здесь сохранились и дошли до наших дней из седой старины былины и песни русского народа. На Мезени можно встретить уникальные памятники архитектуры, причем целые комплексы. Деревни, где что ни дом — то предмет изучения архитекторов и искусствоведов, что ни песня — то сокровище в копилку фольклориста и этнографа.

Народное искусство Мезени — памятник русского национального искусства. Внимание ученых с давних пор привлекали разнообразные изделия из дерева с традиционным геометрическим орнаментом. Вся домашняя утварь — прялка и валец, братыня и деталь ткацкого станка украшались вязью узора, в четком ритме которого, подчеркивая основной пластический силуэт изделия, выделяются «солярные» знаки — круги и ромбы, символы вечности, света и добра.

Мастер, делая такую вещь, подчас не подозревал, что выполняет традиционный древнейший узор, известный многим народам мира.

Изделия из дерева, украшенные геометрической, трехгранновыемчатой резьбой, и сегодня можно встре-

тить почти в каждом мезенском доме. Вальки и прялки, скобкари и братыни с берегов красавицы Мезени, из таежных деревень стали золотым фондом отделов народного искусства ведущих музеев нашей страны.

Современные мастера Мезени продолжают славные традиции художественного оформления дерева. Работы Аристарха Артемьевича Малыгина, этого северного самородка, поражают силой художественного воплощения. Вот, кажется, обыкновенный ковш для сбора ягод — «грабилка», как ее называют в народе. Это изделие

отличается традиционной формой, вместительным объемом, пластическим единством отдельных деталей. Геометрический орнамент — маленький солярный знак на круглящейся ручке — четко читается. А спиралеобразное движение резьбы подчеркивает круглую линию ручки.

Но самыми интересными изделиями мастера были игрушки — шаркунки. Это традиционные мезенские изделия, собранные из тоненьких еловых дощечек различной длины. При их сборке получают две четырехугольные призмы с общим основанием, а при пересечении дощечек — камеры, в которые вкладываются горошины или дробинки. Ручка и навершие украшаются резьбой. С большими шаркунами раньше ходили в лес, чтобы их шумом отпугивать хищников. Шаркунками украшалась и упряжь лошади. Аристарх Артемьевич делал небольшие шаркунки — детские погремушки. Они изысканны по форме, смотрятся цельным объемом, чему не мешает дробный ступенчатый ритм выступов. И очень красиво звучат шаркунки мастера Малыгина — звонкая дробь рассыпается от самого малого движения.

Верткие веретена точат Петр Тихонович Щеголихин из г. Мезени и Федор Алексеевич Баранов из Целегоры. Есть на Мезени и мастера-берестяники. Пожалуй, старейший из них — Николай Максимович Сафонов из Кимжи. Шьет мастер «полотухи». Это небольшие берестяные корытца для веяния жита. Легкая и удобная, согнутая из одного куска бересты и «прошитая» большими стежками сосновой дранки, полотуха и в хозяйстве нужна, и вместе с тем, исполненная с большим вкусом, она радует глаз. Каждый предмет утвари в деревенском доме несет печать творческого подхода к форме и декору изделий.

Славились жители Мезени и искусством росписи по дереву. В долгие зимние вечера резали они из дерева

прялки «коренушки» и расписывали их «земляными» красками — «вохрами» и «сажами». Правда, центром «мезенской» росписи (так она называется в научной литературе) было село Палашелье в верхнем течении реки (сейчас это село относится к Лешуконскому району), но роспись эта стала своеобразной визитной карточкой северного края. Роспись, украшающая прялки и короба, — одна из самых архаичных по стилистике в народном искусстве России. На охристом фоне «лопаски» изображены лошадки и олени. Ритм движения спокоен. Гордая поступь идущих как бы нескончаемыми рядами животных, символизирующих солнце и плодородие, усиливается графической четкостью рисунка.

Остальную поверхность лицевой стороны прялки мастер расписывал диагональными линиями, между которыми свободными движениями гусяного пера вписывались черные завитки, спирали и волнообразные линии. Этот орнамент оживляет статическую поступь животных. Вверху так же свободно, легкими движениями рисовались охристые «гуськи» с черным оперением. Лицевая сторона мезенской прялки традиционна по композиции, зато при росписи тыльной стороны, обращенной к пряхе, мастера давали волю своей неумной фантазии. Чего здесь только не увидишь! Весь быт мезенской земли можно узнать, изучая прялки.

Несколько иным был декор лукошек из сосновой дранки, которые также делались палашельскими мастерами. В них отсутствовало изображение человека, они расписывались чисто орнаментальными мотивами. Но все тот же виртуозный графический рисунок, исполненный черными сажами по охристому фону, что и на прялках, сближают эти изделия, делают их произведениями одной традиции росписи.

Славилась Мезень и медным литьем. Основным центром этого промысла была деревня Кимжа. Особенно интересны кимженские «коновальские» бляшки. Это не-

большие прямоугольные пластины с прорезным рельефом. На них чаще всего изображен человек, держащий под уздцы двух лошадей. Изображение монументально, несмотря на небольшие размеры изделия. Носили такие бляшки кимженские коновалы — лекари лошадей. Они прикрепляли бляшку на сумку с КОНОВАЛЬСКИМ инстру-

212

ментом, и все знали, что этот человек может излечить лошадь, а бляшка, кроме того, как бы «оберегала.» этот труд. Со временем это ремесло ушло из жизни.

Сейчас самым распространенным его видом является узорное вязание.

Вязаные изделия имели в жизни мезенцев в прежнее время особое назначение. Все знают назначение, например, тканого полотенца в свадебной обрядовости русского народа. Но не всем известно, что на Мезени часть функций полотенца была передана узорным рукавицам и тканым узорным поясам. Целые коробья рукавиц и носков (до сорока пар) должна была связать невеста для подарков родне жениха. Смысл орнаментов узорного вязания заключал доброе пожелание и оберегал владельца изделий от зла, болезней и несчастий. И не случайно эти предметы сделались непреходящим атрибутом свадебной обрядовости на Мезени. Орнамент, который вывязывала невеста, излюбленный в ее родной стороне, был бережным знаком. И придя на чужую сторону со своими рукавицами, носками и «поесьями», которые были ее «защитниками», девушка как бы старалась «оберечь» и новую родню. С помощью узорных поясов «приручала» к себе новая хозяйка печь и хлев, куда она закидывала пояс. Узорными поясами украшался и сам свадебный поезд.

Теплые и красивые чулки, носки, рукавицы, связанные мастерицами Мезени — живой пример того, как развиваются традиционные народные промыслы. Ути-

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

В 1940, предвоенном, году в районе было всего 5 библиотек с фондом книг в 21 200 экземпляров, несколько клубных учреждений на 1980 мест. Нынче к услугам жителей 21 библиотека с фондом 143 000 экземпляров книг, 44 киноустановки, 25 клубных учреждений, две музыкальные школы.

213

литарное назначение вязаных изделий сочетается с глубоким содержанием декоративного оформления.

Трудно перечислить всех прекрасных мастериц-вязальщиц, но нельзя не упомянуть жительниц села Сафонове, что на Пёзе, где живут поистине художники. Рукавицы, носки и чулки из Сафонова — высочайшие образцы этого вида народного искусства. Недаром Евдокия Ионовна, Настасья Павловна, Федора Николаевна, Парасковья Васильевна, Антонина Николаевна Окуловы и Марфа Ильинична Оброскова стали лауреатами Всесоюзного смотра изделий народных мастеров.

Особенно большое внимание стало уделяться народному прикладному искусству после выхода в свет постановлений ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» и «О дальнейшем развитии самодеятельного художественного творчества». С началом 70-х годов в районе стали проводиться выставки изделий народного искусства, экспедиции по выявлению мастеров, которые могут передать свой опыт молодежи.

Люди сурового и щедрого края, где испокон веку творилась красота, бережно сохраняют ее.

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

«ТУТ, ГДЕ НИ ТРОНЬ, ВСЮДУ ПЕСНЯ...»

СЛОВА эти сказаны известным композитором А. С. Абрамским, побывавшим в начале пятидесятых годов в Мезенском районе с фольклорной экспедицией.

Слова знатока северной песни подтверждаются и сейчас. Именно так и есть — где ни тронь..

Известен в области хор ветеранов поселка Каменка, а слава Мезенского народного фольклорного хора распространилась далеко за пределами нашего края. Поют у нас и старые люди, и молодые. С ними встречались, им выражали свое восхищение именитые фольклористы и композиторы.

Первый руководитель Мезенского хора Евдокия Емельяновна Васильева родом была не поморка. Может, и это сыграло какую-то роль — острее чувствовалась красота нашего самобытного фольклора. А вошел он в ее душу — и решила Евдокия Емельяновна организовать хор с народным репертуаром.

Помощников у нее было не счесть. Посмотрят, бывало, старые женщины выступление, подойдут к артистам и скажут:

— Вы одеты-то как невесты, вот и будьте, как невесты: глядите полуглазком, говорите полуротком.

В тридцатых годах начали самодеятельные артистки Мезени тщательно осматривать содержимое бабушкиных расписанных райскими птицами сундуков. Извлеч-

На сцене — Мезенский народный хор.

ли сарафаны «двоелишны»: с одного боку изумрудной зеленью ткань отливает, а посмотришь с другой стороны — сиреневый сарафан-то; полурубашки снежной белизны, от многолетнего лежания ни капельки не пожелтевшие; шали с шелковым крученым «кисъём», повойники парчовые и бархатные. Вечером собирались у кого-нибудь дома, прежние «круги» (хороводы) восстанавливали, песни старинные вспоминали.

В 1944 году в Архангельске проходил областной смотр колхозной самодеятельности. Мезенцы шли до областного центра /пешком, за санями, груженными продукцией своего маслозавода. Пели и плясали для земляков на каждой станции. На смотре заняли первое место и получили немало заявок на выступление от госпиталей. Пять концертов дали для раненых. И в ту и в другую сторону на пути было много трудностей, но песня помогла их преодолеть.

И в наши дни мезенских артистов нередко приглашают на различные праздники — порадовать зрителей своим искусством: возрожденной песней, незнакомым северным хороводом.

В столице выступали они, к примеру, на фестивале искусств «Русская зима». Их почтили аплодисментами зрители известных концертных залов: имени П. И. Чайковского, института имени Гнесиных.. В их адрес в связи с успешным выступлением в концерте для участников седьмого Международного музыкального симпозиума прислал поздравительную телеграмму руководитель Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников.

И каменцы могут и с большим концертом, часа на четыре, выступить, и способны показать старинную свадьбу, «вечереньку» — целые театрализованные представления. Вечеренька, например, — действо, в котором и песни, и игра в фанты, и гадание, и частушки, и пляски. И все это — как невыдуманная повесть о прошлом, которая рассказывает о человеческих судьбах,

искренне передает чувства людей, остроумно высмеивает пороки.

Как-то пригласили мезенцев на репетицию хора имени Пятницкого. С предупреждением пригласили: «Пожалуйста, смотрите, — может, и пригодится что-то. Но, ради бога, ничего у нас не слизывают, ни к чему вам это. Ваши песни — особенные. Вы ведь и сами не знаете, наверно, что вы такое, какие молодцы, какие кудесники...»

«Слизыванье» мезенцам и не к лицу. Да и земляки не простили бы: «Как у нас пели от веку — так и теперь петь надо!»

Атмосфера на репетициях — творческая, радостная. Песни, что давным-давно в репертуаре, поют артистки хора так, будто только узнали их; так они им нравятся, что просто нельзя не спеть с охотой, свежо. Так и видится при этом летняя пора на широком лугу, куда собираются девушки, парни, пожилые женщины. Матери заглядываются на будущих невесток, а у тех — осанка горда, поступь легка, движения плавны...

На репетиции приходят молодые горожанки — по-

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Из года в год повышается материальное благосостояние жителей приполярного района. Живя в довольно трудных климатических условиях, жители Мезени пользуются значительными льготами: климатическими надбавками к должностным окладам и тарифным ставкам, дополнительными отпусками, бесплатным проездом к месту отпуска и обратно, уменьшением пенсионного возраста на 5 лет. За последние 12 лет средняя заработная плата рабочих совхоза увеличилась в 1,4 раза и составила в 1977 г. 206 рублей в месяц. Оплата труда колхозников повысилась в 2,8 раза. Средняя месячная зарплата рабочих и служащих промышленных организаций в 1977 г. составила 217 рублей.

218

любопытствовать, песни послушать. Посмотрят, послушают и... просятся в хор. И встают молодые рядом со старейшими певицами А. Н. Сергеевой, А. В. Сырковой, Е. М. Дьячковой, Ф. А. Личутиной, С. Н. Калининой, М. П. Яшевой.

Нынешний руководитель хора Н. Ф. Кудрин давно записывает в селах района старые песни. Вместе с хористками сравнивает их варианты, выбирает те, что относятся к чисто мезенским, что пели в нашем крае десятилетия назад.

Песня — спутник человека всю его жизнь. Истина древняя. Но, встречаясь с людьми, любящими старую песню, как бы заново эту истину открываешь, радуешься, что так оно и есть. Одно из таких открытий подарила мне в деревне Ручьи Евлампия Вячеславовна Третьякова.

Сначала, правда, она и слышать о песнях не хотела: устала после колхозного собрания.

— Садись чай пить да расскажи, как в Мезени живут, а песни — так не певунья я сегодня.

— Москвичи, говорят, ваши песни записывали — студентки да еще кто-то.

— Записывали. Не один раз приезжали.

— Нравились им песни?

— Нравились. Буду я петь — девушки слушают-слушают да и заплачут. И я зареву. На кровать повалюсь:

«Ой, девки, не могу больше, выключайте моталку».

Они побегут еще кого-то записывать, прибегут, спро-

сят: «Ну, бабушка, какова?» — «Да ничего вроде». Как они меня давай целовать: «Ой, бабушка, пой еще». — «Ну, — скажу, — вы, девки, не разорвите хоть меня, как петь-то буду».

А вот на-ко послушай теперь, как парень девушке поет:

Трои котики с иголки истоптал,
Все хорошу да пригожу поджидал.

219

— Ты хорошая, пригожая моя,
Ты идешь ли, девка, замуж за меня?

А девка отвечает:

— Я нейду, нейду, не сдумала
идти, Чую-слышу про тя
славушку худу, С кабака-то
идешь шляйиссе, За тропинку
запинаиссе...

Вот и посуди-ка: за пьяницу и раньше девки
замуж не шли, а нынешни-то, горды да
образованны, и подавно. В каждой песне векова
народна мудрость копилась, как их и нынче не
петь?

Много песен ручьевлянка знает. И грустных, и
веселых, ироничных.

Цветики-цветочки, лазуревы мои,
Что же вы, цветочки, невесело цвели?
...Лютые морозички крепко холодны,
На эти морозички пал маленький дождь
Во всю темную осеннюю ночь,
Не дал мне со миленьким подоле постоять
Да иных забавных речей-то поговорить.

Если какие-то слова подзабывает песенница — при-
думывает им замену. Сама и песню, и
причитаньице сочинить может.

Я пришел с магнитофоном и на другой вечер.
Две песни хорошо записались, а потом пошла
волянка: то закрутятся кассеты, то останутся. А
как пела поморка! Переживала песню, отрешаясь
от себя, обычной. А под конец махнула рукой:
давай чини да приходи снова — не умерли песни-то,
живы...

Что живы песни, убедился я еще в одной
командировке, когда летал опять же в поморское
село, в Кой-ду. Там встретился с 33-летним
директором Дома культуры Иваном Евгеньевичем
Малыгиным. Встретился, узнав, что в марте 1979 года
ездил он в Ленинград на этнографический концерт,
который устраивала там сек-

ция музыкального фольклора ленинградской организа-
ции Союза композиторов РСФСР.

Односельчане не были удивлены тому, что Малыгч-
па пригласили в город на Неве. Иван Евгеньевич песни
поморские любит, знает их много, поет чисто, красиво
и, что называется, за душу берет.

— Северный напев — он удивительный; северная
песня наполнена любовью к людям, к природе, к жиз-
ни, — говорит И. Е. Малыгин. — Как не любить эту
песню?

Николай ЖУРАВЛЕВ

Белые ночи у
Белого моря;
белая кипень
черемух на
взгорье,
белая дымка
кудрявится рано
за уходящим
речным караваном.
Словно загадка,
полярное лето -
рядом с закатом
пылают
рассветы....
Значит, закатов
на Севере нету -
только рассветы,
только рассветы!

СОДЕРЖАНИЕ

С. Я. Половников. Мезень созидаящая.....	5
Дмитрий Ушаков. «Под сполохи полярного сиянья» .	16
Михаил Белов. Город полярных мореходов.....	17
А. Н. Мельников. Ссылка	73
В. И. Попов, Н. А. Галев. За власть Советов .	73
Анатолий Лсвушкин. «А море человека строит» . .	100
Михаил Данилов. Встречи в Каменке.....	102
Николай Журавлев. На Мезени	136
Юрий Шнитников. Чистые струи Сояны	137
Юрий Шнитников. Весна поморской фирмы	159
М. А. Данилов. Эстафета	187
Вадим Бедное. «Проводили во льдах армады» . .	189
Юрий Шнитников. Карбас помора.....	190
Татьяна Шлык. Кладовая сокровищ	208
Сергей Доморошенов. «Тут, где ни тронь, всюду песня	215
Николай Журавлев. «Белые ночи у Белого моря» .	222

«Цифры и факты» подобраны **В. Савинским**,
информации «Их подвиг Отчизна славит» подготовлены
Ю. Чуповым и В. Дранниковым.